

СКАЛЬПЕЛЕМ ПО СЕРДЦУ

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

СКАЛЬПЕЛЕМ *по сердцу* ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

Ирэн Весёлая

Скальпелем по сердцу

<https://litres.ru/74469143>

Аннотация

— Пять лет, Артем? — мой голос дрожит, а в руках — крохотная розовая сережка, найденная в твоём кармане. — У тебя там дочь? Другая семья? — Не смей повышать голос в моем доме, Варя, — ты даже не оборачиваешься, продолжая застегивать запонки. — Ты — домохозяйка. Твое дело — уют и сын. А мои «увлечения» тебя не касаются. Уйдешь — останешься на паперти, а Антона я у тебя заберу. У меня везде связи. Ты — никто без моей фамилии.

Я была слабой. Я верила, что наш брак — крепость, а оказалась — тюрьмой. Но хирург внутри меня, которого ты пытался похоронить под горой кастрюль, наконец проснулся. Я исчезла. Сменила город, имя и даже... лицо.

Спустя двадцать лет я возвращаюсь в этот город. Теперь я — Варвара Калугина, королева пластической хирургии и женщина, перед которой ты готов ползать на коленях, не узнавая во мне ту, кого когда-то растоптал. Ты хочешь моего внимания? Моих денег? Моей любви? Готовься, Артем. Я начинаю операцию. Без наркоза.

В тексте вас ждут: ✓ Сильная героиня, которая сделала себя сама (буквально!) ✓ Герой-изменник, который уверен в

своей безнаказанности (но ненадолго) ✓ Встреча спустя годы: он влюбится в неё заново, не подозревая, кто она ✓ Взрослые дети: роковая страсть, которая может обернуться трагедией ✓ Настоящий мужчина, который полюбил её душу раньше, чем увидел новое лицо ✓ Месть, поданная ледяной: финансовый и моральный крах антагониста ✓ Хэппи-энд для тех, кто этого заслужил (и это не бывший!)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4(Артем)	36
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	63
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10(Артем)	87
Глава 11	96
Глава 12	105
Глава 13	113
Глава 14	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Глава 1

Белые лилии пахли слишком настойчиво. Удушливо, до легкой тошноты, как в цветочном магазине перед закрытием или в зале для прощаний. Я переставила вазу из богемского стекла на край консоли, стараясь не задеть крахмальную белизну скатерти. Сегодня нашему браку исполнялось пять лет. Деревянная свадьба, как говорят в народе. Хотя в нашем доме из дерева был только антикварный паркет, натертый до зеркального блеска, и тяжелые дубовые двери, которые отсекали нас от внешнего мира.

Я поправила лепесток, и мои пальцы — тонкие, с безупречным французским маникюром — на мгновение замерли. Пять лет назад эти руки пахли иначе. Не селективным парфюмом с нотами пудры, а резким антисептиком и латексом. Тогда под моими ногтями не было места для шика, только для стерильности.

— Варвара Алексеевна, десерт подавать сразу после горячего или выдержать паузу? — голос повара Анатолия вырвал меня из оцепенения.

Он стоял в дверях столовой, подтянутый, в безупречном белом кителе. Анатолий работал у нас три года, и за это время он выучил все мои предпочтения, кроме одного: я ненавидела, когда меня называли по отчеству в собственном доме. Это добавляло мне веса, которого я не хотела, и возрас-

та, которого у меня еще не было. В мои двадцать девять я должна была чувствовать себя на пике, а чувствовала — как экспонат в частной галерее Артема Токарева.

— Паузу в десять минут, Анатолий. Артем Викторович любит, когда кофе подают в гостиную, — я улыбнулась, и эта улыбка была такой же отработанной, как и сервировка стола. — Помочь вам с нарезкой?

Повар едва заметно приподнял бровь.

— Ну что вы, Варвара Алексеевна. Отдыхайте. Сегодня ваш вечер.

Я прошла на кухню вслед за ним, игнорируя его вежливый отказ. Кухня в нашем особняке была моей операционной. Огромный остров из темного гранита, ряды японских ножей, блестящая сталь профессиональной плиты. Здесь я чувствовала себя живой.

Я взяла узкий нож для карвинга. Сталь привычно легла в ладонь. Вес, баланс, направление лезвия — мой мозг мгновенно выдал расчеты. Я начала надрезать кожицу авокадо. Точно, глубоко, до миллиметра.

— У вас рука хирурга, — однажды сказал мне Анатолий, когда увидел, как я разделяваю перепелок.

— Я и есть хирург, — ответила я тогда, не поднимая глаз. Красный диплом с отличием. Пять лет интернатуры и ор-

динатуры. Я подавала надежды, которые Артем превратил в пыль. «Зачем тебе резать людей, Варя? — говорил он, обнимая меня за плечи и целуя в макушку. — Твои руки созданы для того, чтобы носить бриллианты, а не пачкаться в крови. Моя жена не будет дежурить сутками в вонючих коридорах».

И я сдалась. Влюбилась так, что собственные мечты показались мелкими на фоне его масштабной личности. Артем строил города, а я хотела всего лишь латать лица. Теперь я латала нашу семейную идиллию, следя за тем, чтобы на серебре не было пятен, а в вазах всегда стояли свежие лилии.

— Мам! Гляди! — в столовую влетел Антон.

Моему сыну было четыре, и он был единственным, что оправдывало мое пребывание в этой золотой клетке. Он был одет в миниатюрную копию папиного джемпера от Logo Piana и вельветовые брючки. Его волосы, такие же светло-русые, как у меня, были аккуратно зачесаны набок.

Я отложила нож, вытерла руки о полотенце и присела на корточки, раскрывая объятия.

— Ого, какой кавалер! Ты почему еще не в кровати?

— Папа сказал, что сегодня важный день, — Антон серьезно посмотрел на меня своими огромными серыми глазами. — Сказал, что я должен поздравить тебя первым.

Он протянул мне открытку, размашисто разрисованную фломастерами. Там были мы: большой папа, мама в пла-

тье-колокольчике и маленький мальчик. И дом. Огромный дом с забором.

— Спасибо, мой хороший, — я прижала его к себе, вдыхая запах детского шампуня и молочного печенья. — Ты мой самый главный подарок.

В холле послышался шум. Тяжелый хлопок входной двери, шорох шагов, уверенный голос Егора, начальника службы безопасности, который всегда сопровождал мужа до порога, а иногда и за порог.

Воздух в доме мгновенно изменился. Он стал плотным, заряженным электричеством. Артем пришел.

Я поднялась, поправляя подол шелкового платья цвета слоновой кости. Оно стоило как подержанный автомобиль, но Артем считал, что именно так должна выглядеть женщина Токарева.

Артем вошел в столовую, на ходу снимая пиджак. Он был воплощением успеха: высокий, широкоплечий, с хищным разворотом плеч и лицом, которое могло бы украсить обложку Forbes. В его волосах едва заметно проглядывала первая седина, придавая ему вид человека, который знает цену каждому своему слову.

— Папа! — Антон бросился к нему.

Артем подхватил сына, подбросил в воздух и коротко рассмеялся.

— Привет, боец. Поздравил маму?

— Да! Она сказала, что я — главный подарок!

Артем поставил сына на пол и посмотрел на меня. Его взгляд был прямым и властным. Он не просто смотрел, он оценивал. Всё ли на месте? Достаточно ли я хороша сегодня? Соответствую ли я уровню события?

— Здравствуй, Варя, — он подошел ближе.

От него пахло морозным воздухом, кожей салона его «Майбаха» и дорогим табаком. Он коснулся моей щеки губами. Это был поцелуй владельца, проверяющего сохранность своей собственности. Сухой, функциональный, лишенный той искры, от которой я когда-то теряла голову.

— С праздником, Артем, — я улыбнулась, глядя ему в глаза. — Пять лет. Даже не верится.

— Время летит, когда всё идет по плану, — он отстранился и передал пиджак подошедшей горничной. — Антон, марш наверх. Няня уже ждет. У нас с мамой взрослый ужин.

Сын послушно кивнул и убежал. В нашем доме приказы Артема не обсуждались даже четырехлетними детьми.

Мы сели за стол. Анатолий начал подавать закуски. Тартар из тунца с золотистой икрой, карпаччо из осьминога. Артем ел молча, иногда делая глотки из бокала с белым вином. Он выглядел уставшим, но это была усталость льва после удачной охоты. Его строительный холдинг «Токарев Групп»

только что закрыл сделку по застройке нового района, и об этом трубили все новости.

— Ты сегодня молчалив, — заметила я, ковыряя вилкой салат. — Трудный день?

— Обычный, — он пожал плечами. — Много суеты. Егор нервничает из-за новых контрактов, охрану пришлось усилить. Но всё под контролем. Кстати...

Он отложил приборы и достал из кармана небольшую бархатную коробочку темно-синего цвета. Мое сердце привычно сжалось. Это был ритуал. Каждую годовщину он дарил мне украшение.

— Пять лет — это рубеж, Варя. Мы построили крепкий фундамент. Ты молодец.

Он открыл коробочку. На белом атласе сияло изумрудное кольцо. Крупные, каплевидные камни в окружении россыпи бриллиантов. Они сверкали в свете люстр холодным, почти ядовитым огнем.

— Боже, Артем... Оно же стоит целое состояние.

— Оно стоит того, чтобы подчеркнуть твои глаза, — он поднялся, подошел ко мне со спины и взял кольцо.

Его пальцы, холодные и сухие, коснулись моей шеи. Я невольно вздрогнула. Он застегнул замок, и тяжелые камни легли на ключицы. Изумруды были ледяными. Мне показав-

лось, что на мою шею надели изысканный, баснословно дорогой ошейник.

— Идеально, — прошептал он мне в самое ухо. — Моя королева.

Он вернулся на свое место. Ужин продолжался. Мы говорили о предстоящем благотворительном вечере, о новой школе для Антона, о планах на отпуск в Дубае. Обычный разговор идеальной пары из высшего общества.

— Я горжусь тобой, Варя, — сказал он, разрезая стейк с анатомической точностью. — Другие жены вечно лезут в дела, устраивают скандалы, требуют внимания. А ты... ты как тихая гавань. Всегда красивая, всегда на месте. Я знал, что не ошибся в тебе.

Я сжала ножку бокала так сильно, что костяшки пальцев побелели. Тихая гавань. Удобное приложение к его статусу. Я хотела сказать ему, что на прошлой неделе я перечитывала медицинский вестник и нашла статью о новых методах реконструктивной пластики. Хотела сказать, что мои пальцы чешутся от желания держать иглодержатель, а не подбирать шторы в гостиную.

Но я промолчала. Опыт научил меня: Артем не терпит конкуренции со стороны моих интересов. Его мир должен вращаться вокруг него, и я была главной планетой в этой системе.

В середине десерта телефон Артема, лежащий на столе экраном вниз, завибрировал.

Звук был коротким — уведомление о сообщении. Артем мгновенно изменился. Его рука, тянувшаяся к чашке кофе, замерла. На доли секунды его лицо утратило маску спокойного триумфатора. Челюсти сжались, а в глазах промелькнуло нечто, чего я не видела раньше — смесь острого раздражения и скрытого нетерпения.

Он быстро перевернул телефон. Я сидела напротив и видела только блик на стекле, но реакция мужа была красноречивее любого текста. Он не улыбнулся. Он нахмурился, и его большой палец стремительно скользнул по экрану, разблокируя устройство.

— Что-то случилось на объекте? — тихо спросила я.

Артем не ответил сразу. Он читал, и его глаза бегали по строчкам с пугающей скоростью. Затем он так же резко выключил экран и убрал телефон в карман брюк — не на стол, как обычно, а именно в карман. Скрыл.

Он поднял на меня взгляд. Grimаса раздражения исчезла, сменившись привычной непроницаемостью, но я уже успела заметить трещину в его броне.

— Ерунда, Варя. Егор пишет, что возникли проблемы с логистикой на северном участке. Нужно будет завтра заехать пораньше.

Его голос звучал ровно, но я слишком хорошо знала Артема. Когда проблемы на объекте, он ругается. Он звонит прорабам и разносит их в пух и прах прямо при мне, демонстрируя свою власть. Он никогда не прячет телефон в карман по-

сле сообщения от Егора.

— Ты уверен? Ты выглядишь... встревоженным.

— Я сказал — ерунда, — его голос стал на тон холоднее.
— Давай не будем портить вечер производственными вопросами. Анатолий! Кофе в гостиную!

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

Мы перешли в гостиную, где в камине уютно потрескивали дрова. Артем сел в свое любимое кожаное кресло, но его мысли явно были не здесь. Он то и дело порывался коснуться кармана, где лежал телефон.

Я сидела на диване, чувствуя, как изумрудное кольцо тянет шею вниз. Тяжелые камни больше не казались украшением. Они казались уликой.

— Варя, я, пожалуй, поднимусь в кабинет, — сказал он через десять минут, так и не притронувшись к кофе. — Нужно просмотреть пару чертежей перед завтрашним днем. Извини. Юбилей юбилеем, а бизнес не ждет.

Он подошел, быстро поцеловал меня в лоб и вышел. Я осталась одна в огромной гостиной. Пламя в камине плясало на стенах, отражаясь в моих камнях на шее.

Я посмотрела на свои руки. Они всё еще пахли лилиями. Удушливо. Приторно.

В моей голове, как заезженная пластинка, прокручивался тот момент: Артем убирает телефон. Лицо искажено. Гримаза раздражения. Он никогда так не реагировал на работу.

Работа — это его стихия, он там бог. А боги не раздражаются из-за логистики. Боги раздражаются, когда кто-то нарушает их тайные правила.

Я поднялась и подошла к окну. За стеклом была глухая осенняя ночь. Охрана медленно обходила периметр забора. Камеры наблюдения безмолвно поворачивали свои головы вслед за каждым движением.

«Ты — моя собственность, Варя», — часто говорил он, в шутку или всерьез.

Сегодня я впервые почувствовала, что у этой собственности могут появиться другие владельцы. Или другие тюрьмы.

Я сняла кольцо. Оно соскользнуло с шеи, как холодная змея. Я положила его на столик, и в тишине комнаты звук удара металла о дерево прозвучал как выстрел.

Завтра наступит новый день. Пятый год нашего брака закончился сегодня. Шестой начинался с предчувствия катастрофы, которую я, как опытный хирург, уже видела на мониторах, хотя пациент еще казался живым.

Я пошла наверх, в нашу спальню, мимо кабинета Артема. Дверь была плотно закрыта. Из-под неё не падал свет — значит, он не смотрел чертежи.

Он с кем-то говорил. Тихо. Слишком тихо для человека, решающего проблемы с логистикой.

Я замерла у двери, прижав руку к груди. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица.

— Да, я понял, — донесся его приглушенный голос. —

Завтра в два. Как обычно. Нет, она ничего не подозревает.

Мир вокруг меня качнулся. Тот самый «стерильный рай», который я так тщательно выстраивала пять лет, пошел глубокими, рваными трещинами. Я не стала слушать дальше. Я почти бегом бросилась в свою спальню, заперлась и привалилась спиной к двери.

В зеркале на дверце шкафа я увидела женщину в дорогом шелке. На её шее еще краснел след от тяжелого кольца.

— Она ничего не подозревает, — прошептала я собственному отражению.

Я ошибалась. Я начала подозревать. И это было хуже любой правды. Мои руки, созданные для скальпеля, мелко дрожали. В ту ночь я поняла: скоро мне придется делать самую сложную операцию в моей жизни. Операцию по удалению мужа из собственного сердца. Без наркоза.

Глава 2

Утро не принесло облегчения. Оно просочилось сквозь тяжелые шторы нашей спальни холодным, серым светом, больше похожим на застиранную марлю, чем на начало нового дня. Я лежала неподвижно, затаив дыхание, и слушала мерный гул электрической бритвы из ванной. Этот звук, когда-то уютный и привычный, теперь казался мне скрежетом бормашины. Каждое движение Артема за стеной отзывалось в моем теле фантомной болью.

Я имитировала сон. Плотнее сжала веки, стараясь не выдать себя дрожью ресниц. Вчерашние слова мужа — «Она ничего не подозревает» — застряли в моем мозгу, как ржавая игла. Я прокручивала их снова и снова, пытаюсь найти другой смысл, оправдание, хоть какую-то зацепку для адвоката дьявола, который всё еще жил во мне. Но правда была хирургически точной: мой муж лгал.

Шум воды прекратился. Дверь ванной открылась с мягким щелчком, и в комнату ворвался запах его лосьона после бритья — сандал и сталь. Я почувствовала, как матрас прогнулся под его весом. Артем сел на край кровати, обуваясь. Он всегда собирался быстро, с какой-то армейской эффективностью. Сегодня эта суета была запредельной. Я слышала, как он трижды за пять минут доставал телефон из кармана пиджака, лежащего на банкетке. Глухая вибрация, корот-

кий шорох пальцев по стеклу. Снова. И снова.

— Варя, ты спишь? — его голос был тихим, но в нем сквозило нетерпение, а не забота.

Я не ответила, продолжая мерно дышать. Артем помедлил секунду, наклонился и коснулся губами моего виска. Его кожа была холодной. Этот прощальный жест показался мне клеймом. Он встал, подхватил пиджак, и я услышала его удаляющиеся шаги.

Только когда внизу хлопнула входная дверь, я открыла глаза.

В спальне всё еще витал его запах, но теперь он казался мне ядовитым. Я медленно поднялась, накинула шелковый халат и подошла к окну. Внизу, на подъездной аллее, выложенной натуральным камнем, стоял его черный «Майбах». Двигатель уже работал, выбрасывая в сырой осенний воздух легкие облачка пара. Артем расхаживал возле машины, размахивая руками.

Я спустилась на кухню. Анатолий уже колдовал над кофемашиной, а няня Антонина Петровна кормила Антона завтраком.

— Мама! — сын просиял, увидев меня. На его губах были следы от манной каши. — Папа сказал, что он сегодня будет строить самый большой дом в мире!

— Конечно, милый, — я поцеловала его в макушку, чувствуя, как сердце сжимается от нежности и страха. — Наш папа очень занятой человек.

Артем ворвался на кухню, как вихрь. Он даже не присел. Схватил чашку эспрессо, приготовленную поваром, и выпил её в два глотка, не отрывая взгляда от наручных часов.

— Геннадий задерживается, черт его дери, — бросил он, обращаясь скорее к пространству, чем ко мне. — Я отправил его за документами в офис еще вчера вечером, он должен был вернуться к восьми утра. Егор сказал, что на трассе авария, всё стоит.

Егор. Вечный Егор, его тень и правая рука.

— Может, выпьешь нормальный кофе? — предложила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Пять минут ничего не решат.

— Решат, Варя. Сегодня решают секунды, — он поставил пустую чашку на гранитную столешницу с резким стуком. — Поеду сам. Некогда ждать этого олуха. Машину Геннадий пригнал к воротам еще ночью, ключи у него забрала охрана.

Он коротко кивнул Антону, чмокнул меня в лоб — механически, словно ставил печать на исходящую корреспонденцию — и направился к выходу.

— Артем! Папку забыл! — крикнула Антонина Петровна, указывая на массивный кожаный портфель, оставленный на консоли в прихожей.

Но муж уже был на крыльце. Гул двигателя его машины стал громче — он нажал на газ, прогревая мотор. Я вышла вслед за ним на крыльцо. Артем уже сидел в салоне, но внезапно распахнул дверцу и выругался.

— Черт! Чертежи по северному участку! — он выскочил из машины, даже не заглушив двигатель. — Варя, они в кабинете на столе, принеси!

— Я сама! — Антонина Петровна уже спешила на второй этаж.

Артем пробежал мимо меня в дом, на ходу бросая:

— Проверю сейф, кажется, еще спецификации не взял!

Я осталась одна на крыльце. «Майбах» стоял в пяти метрах от меня, утробно урча. Передняя пассажирская дверь была приоткрыта.

Это был импульс. Не осознанное решение, а рефлекс хирурга, который видит аномалию и должен её исследовать. Мои ноги сами понесли меня к машине. Я оглянулась на дом — Артем был в кабинете, няня на лестнице, Анатолий на кухне. У меня было от силы полминуты.

Я скользнула на пассажирское сиденье. В салоне пахло роскошью: дорогой кожей, деревом и тем самым парфюмом, который теперь вызывал у меня тошноту. Я открыла бардачок.

Пальцы действовали быстро и точно. Страховой полис, сервисная книжка, пачка влажных салфеток... и вдруг в самом углу я увидела нечто, чего здесь быть не могло.

Я вытащила это на свет. В моих пальцах была зажата ярко-розовая детская кепка. Дешевый трикотаж, кислотный цвет, а на козырьке — аляпистая надпись стразами: «Прин-

цесса Маша».

Мир вокруг меня на мгновение замер. У нас был сын. У нас не было дочерей. У Артема не было племянниц, а у его партнеров — таких безвкусных вещей. Эта кепка была из другого мира. Из того самого спального района, пахнущего дешевым стиральным порошком и несбывшимися мечтами.

Я засунула руку глубже в бардачок, в самую щель между обшивкой. Мои ногти зацепили что-то металлическое. На ладонь выпала крошечная золотая сережка-гвоздик в форме цветка. Маленькая, легкая, предназначенная для детского ушка.

В голове всплыли вчерашние слова: «Завтра в два. Как обычно».

Это была не просто измена. Это была параллельная жизнь. Метастаза, которая проросла в наше «долго и счастливо», высасывая из него соки.

Шаги Артема на лестнице заставили меня вздрогнуть. Он уже выходил. Я лихорадочно бросила кепку обратно, но сережку зажала в кулаке. Мой взгляд упал на огромный сенсорный экран навигатора.

Я знала, что Артем параноидально следит за безопасностью, но он был слишком уверен в моей покорности. «Она ничего не подозревает». Эта фраза стала моей защитой. Он не чистил историю поездок, потому что не считал меня угрозой.

Я ткнула пальцем в иконку последних адресов.

Первая строчка: «Офис». Вторая: «Объект Север». Третья... Третья строчка обожгла мне глаза.

«Улица Строителей, дом 14».

Я никогда не была на улице Строителей. Это была окраина, промышленный район, застроенный типовыми панельками. Там не было офисов его партнеров. Там не было элитных ресторанов. Там была «Принцесса Маша».

— Варя? Ты что там делаешь?

Голос Артема прозвучал прямо над ухом. Я вздрогнула так сильно, что едва не выронила сережку. Он стоял у открытой дверцы, сжимая в руках ту самую злополучную папку. Его глаза сузились, в них промелькнуло подозрение.

Я медленно повернула голову, стараясь, чтобы лицо оставалось маской спокойствия.

— Зарядку искала, — мой голос прозвучал на удивление твердо. — Мой телефон сел, а мне нужно позвонить дизайнеру по поводу штор в гостиную. Ты же помнишь, мы хотели заменить их к приему?

Артем замер, сканируя мое лицо. Я смотрела на него открыто, чуть приподняв бровь, изображая легкую досаду. Хирургическая выдержка — вот что спасало меня сейчас. Когда пациент на столе истекает кровью, ты не имеешь права на дрожь в руках. А сейчас на столе была моя жизнь.

— Нашла? — спросил он, и его голос чуть смягчился.

— Нет. Наверное, Геннадий забрал её в гостевой домик,

— я вышла из машины, чувствуя, как холодный воздух обжигает лицо. — Посмотрю дома.

Артем хмыкнул, бросил папку на сиденье и сел за руль.

— Ищи лучше, Варя. Вечно ты всё теряешь, — он захлопнул дверь.

Я отступила на шаг. Машина медленно тронулась, шурша шинами по гравию. Артем даже не обернулся. Он уезжал к своей «Принцессе Маше», уверенный, что оставил дома преданную мебель, которая будет выбирать шторы и ждать его к ужину.

Я стояла на дорожке до тех пор, пока звук двигателя не растаял вдали. Осенний ветер пробрался под халат, но я не чувствовала холода. Я чувствовала только острую, пульсирующую боль в ладони. Я разжала кулак. Маленький золотой цветок впился в мою кожу, оставив красный след.

«Улица Строителей, 14».

Адрес был выжжен в моей памяти.

Я вернулась в дом. Тишина особняка теперь казалась мне зловещей. Каждый предмет мебели, каждая картина на стене кричали о том, что всё это — декорации. Я прошла в гардеробную, скинула шелк и надела простые джинсы, серый кашемировый свитер и неброское пальто. Никаких логотипов, никаких бриллиантов. Сегодня я не была Варварой Токаревой.

Я достала из сейфа в спальне пачку наличных — Артем всегда держал там «карманные деньги» на мелкие расходы,

которые никогда не считал. Мои карты были под его контролем, он видел каждое мое движение в банковском приложении. Но наличные... наличные не оставляют следов.

— Антонина Петровна! — крикнула я, спускаясь вниз. — Мне нужно отъехать по делам. Дизайнер пригласил в шоурум на другом конце города, это надолго. Побудьте с Антоном, хорошо?

— Конечно, Варвара Алексеевна. Не волнуйтесь, мы погуляем, — няня даже не подняла головы от конструктора, который они собирали с сыном.

Я вышла за ворота поселка. Охрана проводила меня вежливыми взглядами. Они привыкли, что «хозяйка» иногда гуляет в лесу за территорией. Я прошла около километра до шоссе и только там, спрятавшись за остановкой, вызвала такси через приложение. Не элитную службу, которой мы обычно пользовались, а самый простой эконом.

Старая, прокуренная «Лада» приехала через десять минут.

— Куда едем, красавица? — водитель, пожилой мужчина в кепке, с любопытством оглядел мое пальто, которое даже в этом свете выглядело слишком дорогим для этой машины.

— Улица Строителей, четырнадцать, — ответила я, садясь на заднее сиденье и глядя в окно.

— Окраина, значит. Там сейчас пробки, доберемся небыстро.

— Я не тороплюсь, — прошептала я.

Машина тронулась. Я смотрела, как мимо пролетают знакомые пейзажи: ухоженные поселки, дорогие торговые центры, а затем — серые коробки складов и бесконечные заборы промзон. Пейзаж за окном словно отражал то, что происходило в моей душе. Из цветущего сада я переезжала на свалку.

Я прижала лоб к холодному стеклу. В кармане пальто я всё еще сжимала крошечную сережку.

Пять лет. Пять лет я строила этот замок из песка. Я отказалась от карьеры, от операционных, от возможности спасать жизни. Я думала, что спасаю нашу любовь, а на самом деле я просто кормила чудовище своим временем и своей душой.

«Завтра в два. Как обычно».

Сейчас было половина одиннадцатого. У меня было время, чтобы осмотреться. Чтобы подготовиться. Чтобы увидеть врага в лицо.

— Приехали, — буркнул водитель, тормозя у обшарпанной девятиэтажки.

Дом 14 по улице Строителей выглядел именно так, как я и представляла. Облупившаяся краска на стенах, развешанное на балконах белье, старая детская площадка во дворе, засыпанная пожелтевшей листвой.

Я расплатилась и вышла. Воздух здесь пах сыростью и выхлопными газами. Я подняла воротник пальто и зашла вглубь двора, присаживаясь на покосившуюся скамейку под старым тополем. Отсюда хорошо просматривался подъезд.

Я стала ждать. Мой мозг, привыкший к анализу симптомов, методично фиксировал детали. Вот женщина с тяжелыми сумками. Вот старик с маленькой собачкой. Вот почтальон.

А потом во двор въехал черный «Майбах».

Машина смотрелась здесь как инопланетный корабль. Она медленно проплыла мимо мусорных баков и остановилась прямо напротив подъезда. Сердце в моей груди пропустило удар, а затем забилося с удвоенной силой, отдавая тяжелыми толчками в виски.

Дверца открылась. Из машины вышел Артем.

Он не оглядывался. Он не прятался. Он чувствовал себя здесь хозяином. В своем безупречном костюме он выглядел чужеродным элементом, но его походка была уверенной. Он подошел к багажнику, достал огромного плюшевого медведя и пакет из дорогого кондитерского магазина.

Я видела его лицо. На нем не было того выражения холодного триумфатора, с которым он уходил из нашего дома. Он улыбался. Искренне, тепло. Так, как он улыбался мне в первый год нашего знакомства.

Он набрал код на домофоне, и дверь подъезда со скрипом открылась, поглощая его.

Я сидела на скамейке, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно обрывается. Это не была случайная интрижка. Это был очаг инфекции, который уже невозможно вылечить.

Я посмотрела на окна второго этажа. Одно из них было

украшено бумажными снежинками, хотя до зимы было еще далеко. На подоконнике стояла маленькая розовая лейка.

«Принцесса Маша».

Я медленно поднялась. Ноги были ватными, но в голове прояснилось. Диагноз был поставлен. Сомнений больше не оставалось. Теперь мне нужно было увидеть всё своими глазами. Увидеть то, что он скрывал от меня годами, пока я играла роль идеальной жены.

Я направилась к подъезду. В кулаке я всё еще сжимала се-режку. Скоро она вернется к своей хозяйке. Вместе с прав-дой, которая разрушит этот карточный домик до самого ос-нования.

Операция началась. И я знала, что назад пути нет. Либо я вырежу эту боль, либо она убьет меня. И, глядя на закрытую дверь подъезда, я поняла — я выбираю жизнь. Свою соб-ственную жизнь, которую я когда-то обменяла на изумруд-ное кольцо и иллюзию счастья.

Глава 3

Кора старого тополя под моими пальцами ощущалась как чешуя древнего, вымирающего ящера. Шершавая, холодная, покрытая седым налетом пыли и плесени. Я стояла в тени дерева, стараясь слиться с его массивным стволом, и чувствовала, как под подошвами моих дорогих кожаных ботинок хрустит опавшая листва — мертвая, пропитавшаяся сыростью и запахом бензина.

Этот двор на улице Строителей не просто не вписывался в мою систему координат, он был ее антиподом. Здесь не было садовников, подстригающих газоны по линейке. Не было камер, следящих за каждым шорохом. Только ржавые остовы старых качелей, запах прелой травы и выбитый из окон свет, который казался здесь тусклым, выцветшим. Мой «стерильный рай» остался где-то там, за невидимым барьером, а здесь я была чужеродным элементом, ярким пятном в сером пейзаже.

Я смотрела на черный «Майбах», припаркованный у подъезда. Он выглядел здесь как сверкающий хирургический инструмент, брошенный в кучу строительного мусора. Чужой. Неправильный.

Дверь подъезда скрипнула — затяжной, мучительный звук, от которого у меня свело челюсти. Я инстинктивно подалась назад, глубже в тень, вжимаясь лопатками в дерево.

Артем вышел первым. Он придержал тяжелую железную дверь — жест, который он крайне редко позволял себе дома. Для него я всегда была женщиной, которая «справится сама», потому что я была частью его статуса, его брони. А здесь он был рыцарем. Галантным, внимательным, почти предупредительным.

Вслед за ним на свет вышла женщина.

Я затаила дыхание, чувствуя, как в легких закипает ледяной воздух. Мой взгляд, привыкший к клинической точности, жадно впился в ее образ, препарируя его до мельчайших деталей.

Вера.

Она была не такой, какой я ее себе представляла. В моих кошмарах она была вульгарной хищницей с вызывающим макияжем. Но реальность оказалась болезненнее. Вера была... уютной. На ней был объемный кардиган песочного цвета, простые джинсы и мягкие ботинки. Волосы — темные, густые — были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались несколько прядей. В ней не было той выверенной, глянцевої красоты, которую Артем требовал от меня. Она была мягкой. Теплой. Женщиной, рядом с которой можно было не держать спину прямо.

А потом я увидела ребенка.

Маленькая девочка, года два с половиной, выбежала из-за спины Веры. На ней была та самая ярко-розовая кепка. «Принцесса Маша». Те же буквы, сверкающие на блеклом

осеннем солнце, та же дешевая ткань. Девочка схватила Артема за руку, и он... он рассмеялся.

Этот звук ударил меня в самое сердце. Это не был короткий, сухой смех «большого босса».

Это был искренний, открытый смех человека, который наконец-то сбросил тяжелый бронежилет и позволил себе просто дышать. Артем подхватил девочку на руки и прижал к себе с такой естественной, животной нежностью, что у меня перехватило дыхание.

Антон он так не обнимал. Мой сын всегда был для него «проектом», «будущим главой корпорации», «наследником фамилии». С ним Артем был сух, требователен, вечно проверял его на прочность. А здесь... здесь был просто отец.

Они двинулись в сторону детской площадки. Артем шел вразвалочку, неся в одной руке огромного плюшевого медведя, а другой придерживая Веру за талию. Я двинулась следом, стараясь держаться за припаркованными машинами. Мои движения были отточенными, почти автоматическими — так хирург обходит операционный стол, выбирая лучший угол для надреза.

Площадка была жалкой. Облезлая краска на горках, песочница, больше похожая на пепельницу, и качели, которые стонали при каждом порыве ветра. Артем усадил Машу на качели.

— Выше, папа! Еще выше! — закричала девочка, и ее голос, звонкий и требовательный, полоснул меня по ушам.

— Маша, осторожно, упадешь, — мягко произнесла Вера.

Она присела на скамейку, и Артем тут же оказался рядом. Он не стоял над ней, как он обычно стоял над всеми нами. Он сел, придвинувшись вплотную, и положил руку ей на колено. Его пальцы — те самые, что вчера надевали на меня изумруды — теперь нежно поглаживали ткань ее простых джинсов.

Я видела их профили. Они разговаривали о чем-то будничном. Вера что-то рассказывала, активно жестикулируя, а Артем слушал ее, не перебивая. Это было самое страшное. Он слушал ее. В нашем доме он только вещал, ставя задачи и принимая отчеты.

Вера потянулась к нему и поправила воротник его дорогого пальто. Она сделала это так обыденно, так... по-хозяйски.

Артем перехватил ее руку, поднес к губам и поцеловал ладонь — долго, закрыв глаза. В этом жесте было столько интимности, столько признания ее власти над ним, что я невольно зажмурилась. Мое сердце, казалось, превратилось в кусок холодного гранита, который с каждым ударом дробился на острые осколки.

Я помнила, как он целовал меня. Это всегда было... снисходительно. Словно он делал мне одолжение, одаривая своим вниманием. А здесь он просил. Он нуждался в ней.

Маша спрыгнула с качелей и подбежала к ним, прерывая их идиллию. Она что-то затараторила, указывая на свое левое ушко. Артем рассмеялся — опять этот незнакомый мне, глубокий и искренний звук — и полез в карман пальто.

Я подалась вперед, едва не высунувшись из-за широкого бока старого «Ниссана», за которым пряталась. Мои пальцы в кармане пальто до боли сжали маленькую золотую сережку, найденную утром.

Артем достал крошечную бархатную коробочку. Не ту огромную и пафосную, в которой вчера лежали мои изумруды, а маленькую, скромную. Он открыл ее, и на ладони блеснуло золото.

— Ну-ка, принцесса, иди сюда, — позвал он.

Девочка послушно замерла, забавно надув губы. Артем присел перед ней на корточки — прямо в пыль, не заботясь о своих безупречно отглаженных брюках за несколько тысяч долларов. Его движения были точными, уверенными и бесконечно бережными. Я видела, как он осторожно продел тонкую дужку в мочку уха ребенка.

Щелчок.

Для меня этот звук прозвучал как выстрел в упор. Последняя деталь пазла встала на место с мучительным скрежетом. Утренняя улика нашла свою пару.

— Ну вот, теперь полный комплект, — Артем легонько щелкнул дочку по носу. — Больше не теряй, договорились? Папа не всегда может привезти замену так быстро.

— Договорились! — Маша крутанулась на месте, подбежала к Вере и начала хвастаться обновкой.

Вера посмотрела на Артема поверх головы ребенка. В ее взгляде не было страха, не было подобострастия. Только ти-

хая, уверенная нежность. Она знала, что он принадлежит ей. Что этот «Майбах», этот костюм, эта империя — всё это лишь декорации, которые он снимает здесь, за дверью обшарпанного подъезда.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Едкая, горячая желчь обжигала пищевод. В этот момент я поняла: мой брак не просто болен. Он мертв. Труп разложился уже давно, а я просто присыпала его лепестками лилий и поливала дорогим парфюмом, стараясь не замечать запаха гнили.

Пять лет. Пять лет я была «тихой гаванью». Я была его парадным выходом, его безупречным фасадом. Я латала его эго, я создавала ему тыл, в то время как он строил настоящий дом здесь.

Артем поднялся, обнял Веру за плечи, и они медленно пошли в сторону подъезда. Маша бежала впереди, размахивая плюшевым медведем. Счастливая, нормальная семья. Семья, в которой отцу не нужно быть богом, а матери — идеальным экспонатом.

Я смотрела им в спины, пока железная дверь не захлопнулась с тяжелым, окончательным лязгом.

Мир вокруг меня начал терять краски. Серые дома стали почти черными, небо — грязно-белым. Я медленно попятилась, не отрывая взгляда от подъезда. Мои ноги задевали мусор, сухие ветки, но я ничего не чувствовала. Физическая оболочка Варвары Токаревой продолжала функциони-

ровать, но внутри... внутри осталась только выжженная земля.

Я вышла со двора и побрела вдоль улицы, не разбирая дороги. Мимо проносились машины, люди толкали меня плечами, кто-то что-то кричал вслед, но я была в вакууме. В моей голове, как в замедленной съемке, прокручивался один и тот же кадр: Артем вдевает сережку в ухо чужой дочери.

Я остановилась у края проезжей части и подняла руку. Мне было всё равно, кто остановится.

Через минуту передо мной притормозил побитый жизнью «Рено». За рулем сидел молодой парень в кепке, из динамиков орала какая-то попса.

— Куда, хозяйка? — спросил он, оглядывая мое пальто с явным недоумением.

Я назвала адрес своего «замка». Своего золотого гроба.

Всю дорогу я молчала, глядя в окно на то, как серые окраины постепенно сменяются респектабельными районами. Чем ближе мы подъезжали к моему дому, тем сильнее во мне крепла странная, ледяная решимость. Это была не истерика. Истерика — для слабых. Я была хирургом. А хирург знает: когда гангрена пошла выше колена, спасать коленность бессмысленно. Нужно резать. Резать быстро и чисто, чтобы спасти организм.

Я вышла у ворот поселка, расплатилась и медленно пошла к своему дому. Охрана открыла калитку, вежливо поздоровавшись. Я кивнула, не меняясь в лице. Моя маска была при-

паяна к коже годами тренировок.

Я зашла в дом. Пахло лилиями. Теми самыми, которые я так старательно расставляла вчера. Теперь этот запах казался мне запахом формалина.

— Варвара Алексеевна? — из кухни вышла Антонина Петровна. — Вы так быстро? Антон как раз проснулся, мы собирались обедать.

— Я в порядке, Антонина Петровна. Просто голова разболелась, — я прошла мимо нее, стараясь не смотреть в глаза. — Покормите Антона, я прилягу на полчаса.

Я поднялась на второй этаж, зашла в нашу — нет, уже только его — спальню и заперла дверь.

Я подошла к туалетному столику и посмотрела в зеркало. Отражение выглядело безупречно. Ни одной выбившейся пряди, ни одной потекшей линии макияжа. Но я видела правду. Под этой кожей, под этим дорогим кремом билась загнанная, преданная женщина, которой больше нечего было терять.

Я достала из кармана сережку. Крошечный золотой цветок. Я положила его на полированную поверхность стола. Рядом с ним изумрудное кольцо, которое я бросила здесь утром, выглядело вульгарным и громоздким.

— Пять лет, — прошептала я. — Пять лет ты кормил меня сказками, Артем.

Диагноз был окончательным. Случай был запущенным. Но я всё еще была лучшей в своем деле. И если Артем ду-

мал, что я — лишь безгласная собственность, которую можно держать в шкафу и доставать по праздникам, то он совершил свою самую большую ошибку.

Я не буду плакать. Я не буду умолять.

Я подошла к шкафу, достала небольшую спортивную сумку, которую обычно брала в спортзал, и бросила ее на кровать.

Операция по спасению Варвары Токаревой официально началась. И я собиралась провести ее без наркоза. Потому что эту боль я хотела запомнить навсегда. Чтобы больше никогда, ни один мужчина в мире не смог заставить меня поверить, что мое место — в тени его величия.

Я открыла сейф и начала быстро перекладывать пачки денег в сумку. Мои руки работали с автоматизмом робота. Внутри меня было пусто и холодно. Как в операционной перед началом сложнейшего вмешательства.

— Она ничего не подозревает, — проговорила я, горько усмехнувшись своему отражению. — Ты прав, Артем. Та Варвара, которую ты знал, действительно ничего не подозревала. Но она только что умерла там, во дворе на улице Строителей. А я... я — это то, что осталось после нее. И тебе это очень не понравится.

Глава 4(Артем)

(от лица Артема)

В салоне «Майбаха» пахло дорогим спокойствием. Тяжелый, обволакивающий аромат кожи Nappa мешался с едва уловимым шлейфом Веры — чем-то домашним, ванильным, с примесью детского мыла и присыпки. Я глубоко вдохнул, позволяя этому миксу заполнить легкие. В этом был весь я. Весь мой успех.

Я вел машину уверенно, едва касаясь руля кончиками пальцев. Город за бронированным стеклом казался суетливым и мелким, словно я наблюдал за муравейником с высоты птичьего полета. Люди куда-то бежали, ловили такси, зябли под пронизывающим осенним ветром. А я был в своей капсуле. В своей реальности, которую я выстроил сам, кирпич за кирпичом.

На ладони всё еще зудело приятное тепло — там, где я касался маленького ушка Маши, вдевая сережку. Этот жест был для меня сакральным. Словно я в очередной раз подтвердил свое право на эту тайную жизнь. Поставил печать. Маша была моей маленькой копией: те же упрямые искорки в глазах, та же манера забавно морщить нос, когда она смеется. Вера говорит, что она — мой хвостик. И это льстило моему эго больше, чем любые многомиллионные тендеры.

Моя жизнь была идеально спроектированным зданием.

Варвара — это фасад. Высокий, статный, из дорогого мрамора и зеркального стекла. Она была необходима для того, чтобы мир видел: у Артема Токарева всё безупречно. Жена-красавица с манерами королевы, наследник Антон, особенняк, в котором каждая ваза стоит как бюджет небольшого городка. Варя была моей лучшей инвестицией. Тихая, покорная, предсказуемая. Она идеально вписалась в интерьер моей жизни, перестав задавать лишние вопросы еще года четыре назад. Я купил её преданность комфортом, и она приняла эти правила игры. Женщины всегда их принимают, если цена достаточно высока.

А Вера... Вера была фундаментом. Тем самым местом, где я мог снять галстук, выключить телефон и просто быть собой. Без необходимости соответствовать статусу «застройщика номер один». С ней было просто. Тепло. И, что самое важное, она никогда не претендовала на мой «фасад». Она знала свое место и была за него благодарна.

Две женщины, две жизни. И я, как великий архитектор, удерживал эту конструкцию от обрушения. Это давало мне чувство почти божественного всемогущества.

Я свернул на парковку бизнес-центра «Токарев Плаза». Остекленная башня уходила в серое небо, отражая плывущие облака. Это был мой памятник самому себе.

На входе охрана вытянулась в струнку. Я едва заметно кивнул, не замедляя шага. Мой путь к лифту был подобен движению ледокола. Люди расступались, вжимались в стены,

старались не встречаться со мной взглядом. Я любил этот запах страха, смешанный с обожанием. Это означало, что я всё делаю правильно.

Лифт бесшумно поднял меня на 32 этаж. Двери разъехались, открывая вид на приемную, залитую светом панорамных окон. Моя секретарша Леночка, тонкая и звонкая, как статуэтка из костяного фарфора, тут же вскочила с места.

— Артем Викторович, добрый день. Кузнецов уже ждет в конференц-зале. И еще звонили из банка по поводу...

— Позже, Лена. Кофе мне в кабинет. Двойной эспрессо, без сахара, — я прошел мимо, даже не глянув в её сторону.

В конференц-зале было душно от чужого напряжения. Мои топ-менеджеры сидели вдоль длинного стола, как провинившиеся школьники. Кузнецов, мой заместитель по строительству, суетливо поправлял галстук. На его лбу блестели капли пота.

Я сел во главе стола, откинулся на спинку кресла и молчал ровно две минуты. Тишина была моим любимым инструментом. Она заставляла их нервничать, совершать ошибки, выдавать свои слабости.

— Итак, — наконец произнес я, и мой голос прозвучал как хруст ломающегося льда. — Почему на северном участке задержка поставок бетона? Кузнецов, я жду внятного ответа, а не сказок о логистике.

— Артем Викторович, там... там на трассе затор, плюс поставщик подвел с объемами... — залепетал Кузнецов, про-

мокая лоб платком.

— Поставщик подвел? — я чуть прищурился. — Кузнецов, ты работаешь в «Токарев Групп» не для того, чтобы рассказывать мне о чужих ошибках. Ты здесь для того, чтобы их предотвращать. Если завтра к шести утра бетон не будет на площадке, ты отправишься на эту самую трассу разгребать заторы лопатой. Ты меня понял?

— Понял, Артем Викторович. Всё будет.

Я закрыл папку. Летучка была окончена. Мне не нужны были их оправдания, мне нужен был результат. Я привык ломать людей об колено, если они не соответствовали моим стандартам. Варя когда-то говорила, что я слишком жесткий. Она ошибалась. Я был эффективным. Мир не строится неженками. Мир строится теми, кто готов идти по головам ради своей цели.

Вернувшись в кабинет, я подошел к окну. Город лежал у моих ног. Я чувствовал прилив адреналина. Утро с Верой дало мне необходимую мягкость, а офис вернул привычную сталь. Идеальный баланс.

Завибрировал личный телефон. Вера.

Я улыбнулся, и это была единственная искренняя улыбка за весь день.

— Да, Верочка.

— Тема, ты не забыл? — её голос был мягким, с той самой хрипотцой, которая всегда меня заводила. — У Машеньки

через неделю день рождения. Она уже всем уши прожужжала про праздник с аниматорами. Ты сможешь приехать?

Я прикрыл глаза, прикидывая график.

— Конечно, котенок. Я всё устрою. Закажу лучший ресторан в вашем районе, аниматоров, торт в три яруса. Всё, как она хочет.

— Ты лучший, Тема. Мы тебя очень ждем.

Я положил трубку и на мгновение задумался. Предстояло сконструировать очередную ложь для Вари. Это было рутинной. Сказать, что вылетаю на северный объект? Или придумать какой-нибудь бизнес-форум в Сочи? Варя никогда не проверяла. Она верила каждому моему слову, потому что так было проще. Она жила в своем коконе из штор, меню для ужина и выбора школы для Антона. Ей было комфортно быть обманутой, и я охотно поддерживал эту иллюзию.

Я вызвал Егора. Он вошел в кабинет бесшумно, как тень. Егор был со мной десять лет. Он знал многое, но не всё. Я никогда не открывал все карты даже самому верному псу.

— Егор, на следующие выходные мне нужно алиби. Подготовь документы по командировке в Сургут. Билеты, бронь отеля — всё, чтобы у Вари не возникло вопросов. И проследи, чтобы в эти дни меня не беспокоили по рабочим вопросам, если только здание не начнет падать.

— Понял, Артем Викторович. Сделаем в лучшем виде.

— И еще, — я постучал пальцами по столу. — Что там с

отчетом по личным счетам Варвары?

Егор положил на стол тонкую папку.

— Всё здесь. Траты в пределах нормы. Косметологи, детская одежда, благотворительные взносы. Но... вы просили обратить внимание на подозрительную активность. Она пару раз снимала наличные в банкомате вне нашего района.

Я нахмурился. Наличные? Варя редко ими пользовалась. Зачем ей бумажки, когда у неё есть безлимитная карта?

— Суммы?

— Незначительные. По пять-десять тысяч.

Я расслабился. Наверное, давала на чай или покупала какую-нибудь ерунду на рынке. Варя была предсказуемой до зевоты. Но сам факт того, что у неё есть хоть какая-то зона, которую я не вижу через банковское приложение, меня раздражал.

Я открыл приложение на планшете. Мои счета — это кроветеносная система империи. Счета Вари — лишь крошечный отвод, который я мог перекрыть в любой момент. Я листал историю её покупок: «Дом Фарфора», «Детский Мир», какой-то салон красоты в центре. Каждый её шаг был зафиксирован. Каждое платье, каждый обед с подругами был одобрен мной постфактум.

И всё же... власть должна быть абсолютной.

— Слушай, Егор, — я отложил планшет. — Подготовь

документы. Через месяц, когда закроем транш по «Северному», я хочу перевести все личные счета Варвары под мой прямой контроль. Сделаем это как «программу семейного доверительного управления». Она должна будет запрашивать подтверждение через мой телефон на любую транзакцию свыше пяти тысяч рублей.

Егор поднял бровь.

— Думаете, она не обидится? Всё-таки пять лет брака...

Я усмехнулся. Обидится? Варя не умеет обижаться. Она умеет быть благодарной.

— Зависимая женщина — это верная женщина, Егор. К тому же, я делаю это для её же блага. Вокруг столько мошенников, а она у меня такая... воздушная. Пусть лучше я буду контролировать её финансы, чем кто-то другой.

Егор понимающе кивнул. Он знал, что спорить со мной бесполезно. Если я решил затянуть поводок, я его затяну.

Весь остаток дня прошел в звонках и совещаниях. Я чувствовал себя на пике формы. Моя империя росла, мои женщины были довольны (или думали, что довольны), мой сын рос под присмотром лучших нянь. Я был архитектором этого мира, и ни одна деталь не смела выбиться из общего чертежа.

Вечером, когда сумерки начали сгущаться над городом, зажигая огни окон, я собрался домой. На заднем сиденье

«Майбаха» лежал портфель с документами, которые я, разумеется, не собирался читать.

Я предвкушал возвращение в особняк. Я ждал этой картинки: Варя в очередном безупречном платье, запах лилий, который она так любит, идеально накрытый стол. Я буду немного усталым, немного снисходительным. Позволю ей рассказать о успехах Антона в садике, о новых шторах, о какой-нибудь чепухе. А потом я подарю ей еще что-нибудь дорогое, чтобы окончательно загладить утреннюю суету.

Я заехал в поселок, когда уже совсем стемнело. Фонари заливали аллею мягким желтым светом. Охрана на воротах привычно козырнула. Мой дом сиял окнами, как огромный лайнер в ночном океане.

Я заглушил двигатель и на мгновение остался в тишине салона. Жизнь удалась. У меня было всё, о чем другие только мечтали. И самое главное — у меня была уверенность, что так будет всегда. Потому что я сильнее. Потому что я хитрее. Потому что я — Артем Токарев.

Я вышел из машины, вдохнул прохладный воздух, пахнувший хвоей и сырой землей. Поправил воротник пальто и пошел к дому.

Я вошел в холл. Тишина. Странно, обычно Антон выбегает навстречу, если еще не спит.

— Варя! — позвал я, снимая пиджак и передавая его подошедшей горничной. — Я дома!

Тишина в ответ показалась мне какой-то... неправильной.

Словно в идеально настроенном механизме соскочила шестеренка.

Я прошел в гостиную. На столе стояла пустая ваза из-под лилий — Варя почему-то решила их убрать. На камине лежало изумрудное кольцо. Те самые камни, которые я подарил ей вчера. Они тускло поблескивали в свете настенных бра.

— Варвара? — я нахмурился.

Где-то наверху хлопнула дверь. Я услышал её шаги — быстрые, резкие. Совсем не похожие на её обычную плавную походку.

Я стоял посреди гостиной, чувствуя, как внутри зарождается странное, неосознанное пока раздражение. Я пришел домой за своим заслуженным отдыхом, а не за этой тишиной.

Она появилась на лестнице. Она была в простом сером свитере и джинсах — совсем не тот образ, который я ожидал увидеть. Её лицо было бледным, почти прозрачным, а глаза... глаза светились каким-то странным, лихорадочным блеском.

— Ты поздно, Артем, — сказала она, и её голос прозвучал как удар хлыста. — Наверное, логистика на севере совсем замучила?

Я замер, глядя на неё. Что-то в её тоне, в том, как она стояла, вцепившись в перила, подсказало мне: мой безупречный чертеж только что был перечеркнут жирной, грязной линией. Но я всё еще был уверен в своем праве сильного.

— Варя, что за тон? — я сделал шаг к ней, напуская на

себя привычную строгость. — У меня был тяжелый день. Я хочу поужинать и отдохнуть. Где Антон?

— Антон спит, — она начала спускаться, не отрывая от меня взгляда. — А ужин... Ужин тебе сегодня не понравится, Артем. Потому что сегодня в меню — правда.

Она дошла до нижней ступеньки и остановилась. Между нами было всего три метра, но мне показалось, что разверзлась пропасть. И в глубине этой пропасти я впервые увидел не покорную куклу, а женщину, которая собирается объявить мне войну.

Моя самоуверенность на мгновение дрогнула, но я тут же подавил это чувство. В конце концов, я — хозяин этого дома. А она — всего лишь моя собственность. А собственность не бунтует. Она просто иногда требует ремонта.

Так я думал в ту секунду, еще не зная, что мой мир уже начал рассыпаться в прах.

Глава 5

Лестница подо мной не скрипела — в этом доме даже дерево было вышколено до немоты. Я спускалась медленно, ступенька за ступенькой, чувствуя, как каждый шаг отдается в позвоночнике сухим костяным стуком. Внутри было странно. Обычно перед важной операцией руки немного подрагивают, пока не коснешься скальпелем кожи, но сейчас... сейчас я уже вскрыла этот нарыв. Гной заливал всё пространство, и мне оставалось только смотреть на то, что скрывалось под глянцевой поверхностью моей жизни.

Артем стоял внизу, в самом центре холла. Он уже успел скинуть пальто, оставшись в безупречном темно-синем пиджаке. Он выглядел раздраженным. Его брови были сдвинуты к переносице, а губы сжаты в тонкую линию — так он выглядел, когда подчиненные опаздывали с отчетом.

— Варя? Что за вид? — он окинул меня коротким, оценивающим взглядом. — Где ужин? Почему в доме тишина, как в склепе?

Я остановилась на нижней ступеньке. Мы были почти одного роста, но сейчас я чувствовала себя выше. Потому что я видела его насквозь, а он всё еще играл роль хозяина вселенной в своем маленьком картонном театре.

— Ужин сегодня отменяется, Артем, — мой голос прозвучал удивительно ровно, почти клинически. — Я сегодня

была в одном интересном месте. На улице Строителей. Там тоже любят ужины. И торты. И аниматоров.

Он замер. Я видела, как в его глазах, на самой глубине зрачков, промелькнула искра узнавания. Мгновенная, как разряд тока. Но он тут же погасил её, нацепив маску недоумения.

— О чем ты несешь? Какая улица Строителей? Варя, если ты решила устроить сцену из-за того, что я задержался на объекте...

— Перестань, — я оборвала его, не повышая тона. — Это уже не работает. Логистика, северные участки, Егор... Это всё мусор. Я видела тебя, Артем. С Верой. И с Машей.

Я прошла мимо него в гостиную. На мраморной полке камина, рядом с антикварными часами, лежало изумрудное кольцо. Те самые камни, которые он надел на меня вчера, клянясь в верности. Сейчас они казались мне каплями застывшего яда. Я взяла их и брезгливо отбросила в сторону. Металл звякнул об камень.

Артем вошел следом. Его лицо медленно наливалось багровым цветом, но это не была краска стыда. Это была ярость хищника, которого загнали в угол в его собственном логове.

— Ты следила за мной? — он выплюнул эти слова, словно проклятие. — Ты, Варвара, посмела следить за мной?

Я молча достала из кармана телефон и положила его на кофейный столик. Экран загорелся. На снимке, сделанном два часа назад, он, смеясь, целовал женщину в кардигане пе-

сочного цвета. Рядом с телефоном я положила крошечную золотую сережку. Тот самый цветок, который он так бережно вдевал в ухо «Принцессы Маши».

— Я не следила, Артем. Я просто решила проверить симптомы. Хирургическая привычка — когда видишь патологию, нужно делать биопсию. Вот она, твоя биопсия. Чистая некроза.

Он посмотрел на телефон, потом на сережку. Его челюсти сжались так сильно, что я услышала скрежет зубов. Секунду мне казалось, что он сейчас ударит меня. Но Артем был слишком расчетлив для банального мордобоя. Он медленно подошел к столику, взял сережку и крутанул её между пальцами.

— И что? — он поднял на меня взгляд. В нем больше не было даже тени оправдания. Только холодный, режущий цинизм. — Чего ты ждешь, Варя? Слез? Мольбы о прощении? Встать на колени?

Я смотрела на него и не узнавала человека, с которым прожила пять лет. Куда делся тот нежный мужчина, который обещал мне весь мир? Его место занял этот эффективный менеджер, который обсуждал измену как неудачную статью расходов.

— Я ждала правды, Артем. Хотя бы сейчас.

Он внезапно рассмеялся. Это был сухой, неприятный звук, от которого по коже пошли мурашки.

— Правда? Хорошо, хочешь правду — ты её получишь.

Да, у меня есть вторая семья. Уже три года. Вера дает мне то, чего ты никогда не смогла бы дать. Она живая, Варя. Она теплая. Она не смотрит на меня как на сложный клинический случай. С ней мне не нужно быть «проектом Токарева».

Он начал мерить комнату шагами, и с каждым словом его голос становился всё жестче.

— А ты? Посмотри на себя. Ты превратилась в прокисшую домохозяйку. Вечно идеальная, вечно правильная, пахнущая своими чертовыми лилиями и крахмалом. Ты стала скучной, Варя. Ты — красивая мебель в моем доме. Ты сама виновата в том, что я пошел искать жизнь в другом месте. Мужчине моего уровня нужно вдохновение, а не стерильный отчет о том, что Антон поел кашу.

Слова били под дых. Каждое из них было напитано ядом обесценивания. Пять лет моей жизни, мой отказ от профессии, моя преданность — всё это он только что выкинул в мусорный бак, назвав «скучной мебелью».

— Значит, это я виновата? — я горько усмехнулась. — Я виновата в том, что ты лгал мне три года? В том, что ты обкрадывал собственного сына, отдавая его время и деньги другой женщине?

— Деньги? — Артем остановился и посмотрел на меня с искренним презрением. — Мои деньги, Варя. Всё, что на тебе надето, этот дом, еда, которую ты ешь — это всё моё. Ты не заработала ни копейки за пять лет. Ты жила как королева на полном обеспечении. Так что не смей говорить мне об

обкрадывании.

— Я хочу развода, Артем, — я произнесла это тихо, но в комнате словно похолодало. — Завтра я подаю документы. Я заберу Антона, и мы уедем. Мне не нужны твои миллионы. Мы просто исчезнем из твоей жизни.

Он замер. Его лицо на мгновение стало непроницаемым, а потом на губах заиграла зловещая улыбка. Он медленно подошел ко мне вплотную. Я чувствовала запах его парфюма — сандал и сталь — и теперь он казался мне запахом тления.

— Развод? — он почти прошептал это мне в лицо. — Ты серьезно думаешь, что я позволю тебе устроить этот цирк? Развод — это репутационный ущерб. Это суды, это разделы, это грязное белье в прессе. Я не терплю убытков, Варя. Никогда.

Он взял меня за подбородок. Его пальцы были твердыми, как тиски. Он заставил меня смотреть ему прямо в глаза — в эти холодные, бездонные колодцы, где не было ни капли любви, только жажда контроля.

— Слушай меня внимательно, — его голос стал тихим и пугающе спокойным. — Никакого развода не будет. Ты останешься здесь. Будешь так же улыбаться на приемах, так же выбирать шторы и так же играть роль идеальной жены. Ты будешь делать всё, что я скажу.

— Ты не можешь меня заставить, — я попыталась вырваться, но его хватка только усилилась.

— Могу, — отрезал он. — Если ты дернешься, если ты

хоть слово пикнешь юристам — я уничтожу тебя. Ты уйдешь отсюда в том, в чем стоишь. У тебя не будет ни рубля, ни жилья, ни работы. Я сделаю так, что тебя не возьмут даже санитаркой в самую захудалую ветеринарку. А Антон...

Он сделал паузу, наслаждаясь моим страхом.

— Антона ты больше не увидишь. Никогда. У меня в опеке и в судах такие связи, что тебя признают недееспособной, наркоманкой или сумасшедшей за два часа. Ты потеряешь сына навсегда, Варя. Ты этого хочешь?

Внутри меня всё оборвалось. Это был удар ниже пояса. Он знал, что Антон — моя единственная ахиллесова пята. Мой сын. Моя жизнь.

— Ты чудовище, Артем... — прошептала я.

— Я реалист, — он отпустил мой подбородок и брезгливо вытер руку платком, словно испачкался об меня. — Ты никуда не уйдешь, Варя. Потому что ты — моя собственность. Такая же, как этот дом. Такая же, как «Майбах» в гараже. Такая же, как эти изумруды, которые ты так театрально бросила. Ты — вещь, которая принадлежит Токареву. И вещи не подают на развод. Они просто служат своему хозяину.

Он повернулся и направился к лестнице. У подножия он обернулся. Его лицо снова стало привычной маской успешного бизнесмена.

— Завтра утром ты будешь как шелковая. Улыбнешься мне за завтраком и поцелуешь перед уходом. Мы будем жить так, как жили. Если я узнаю, что ты хотя бы заикнулась об

этом няне или подругам — пеняй на себя. Я предупредил.

Он начал подниматься.

— И убери этот хлам со стола, — бросил он через плечо, указывая на телефон и сережку. — Горничные не должны видеть твою глупость.

Я осталась стоять посреди гостиной. Стены этого роскошного дома внезапно начали давить на меня, сужаясь до размеров тюремной камеры. Лилии в вазах пахли смертью.

Я посмотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Но где-то глубоко внутри, под слоями боли и унижения, затеплился крошечный, почти незаметный огонек. Огонек холодной, расчетливой ярости хирурга.

Он назвал меня собственностью. Он назвал меня вещью. Он думал, что сломал меня угрозой забрать сына. Он был уверен в своей победе, потому что он всегда побеждал.

Но он забыл об одном. Я — врач. А врач знает, что когда опухоль становится неоперабельной, нужно менять стратегию.

Я медленно подошла к столу, забрала телефон и сережку. Мои движения стали точными. Я не плакала. Слёзы — это вода, а мне сейчас нужен был спирт. Чистый, обжигающий, стерилизующий душу.

Артем Токарев совершил свою самую большую ошибку. Он недооценил женщину, которой нечего терять, кроме собственной личности.

Я посмотрела на закрытую дверь его кабинета наверху.

«Ты никуда не уйдешь, Варя», — сказал он.

— Посмотрим, — прошептала я в пустоту гостиной. — Посмотрим, Артем.

В ту ночь я не легла спать. Я сидела в темноте, слушая тишину своего дома-тюрьмы, и в моей голове уже начали прорастать контуры плана. Плана, который заставит Артема пожалеть о каждом слове, сказанном сегодня. Но для этого мне нужно было стать кем-то другим. Перестать быть вещью. Перестать быть Варварой Токаревой.

Битва только начиналась. И если он хотел войны — он её получит. Но не по своим правилам.

Глава 6

Простыня с моей стороны была холодной и идеально ровной. Артем ушел на рассвете — я не слышала ни шороха, ни звука мотора, но его отсутствие ощущалось кожей, как резкое падение атмосферного давления перед штормом. Вчерашний скандал не оставил в этой комнате запаха пороха, только ледяную, вымороженную пустоту.

Я села на кровати, обхватив плечи руками. Мой взгляд упал на стакан с водой на тумбочке — вчера я осушила его залпом, пытаясь смыть вкус желчи, но жажда не прошла. Она стала внутренней, выжигающей.

— Спокойно, Варя. Ты хирург. Ты знаешь, что делать, когда рана открыта, — прошептала я самой себе.

План казался мне простым и логичным. Собрать документы, минимум вещей для Антона, вызвать такси до вокзала и уехать к матери в Новосибирск. Там Артем меня не достанет сразу, а за это время я найду юриста, подам на развод, подниму все свои старые связи. У меня был красный диплом, у меня были знания. Я верила, что справлюсь.

Я быстро оделась, натянув привычные джинсы и свитер. В коридоре я столкнулась с Антоном. Он стоял в пижаме с динозаврами, прижимая к груди плюшевого трицератопса, и смотрел на меня слишком серьезными для четырехлетнего ребенка глазами.

— Мам, а папа злой? — тихо спросил он.

Мое сердце болезненно екнуло. Дети чувствуют ложь на молекулярном уровне.

— Нет, котенок. Папа просто очень устал. Мы поедем в гости к бабушке, хочешь?

— На поезде? — его глаза на мгновение зажглись.

— Да, на самом настоящем поезде. Иди, умывайся, а я пока соберу сумку.

Я зашла в гардеробную. Руки действовали быстро, я складывала вещи Антона, стараясь не думать о том, что еще вчера эта комната была моим домом. Теперь это была пересыльная тюрьма.

Достав телефон, я открыла приложение банка. Нужно было перевести деньги со своего счета на карту мамы, на всякий случай. Я ввела сумму, нажала «подтвердить» и замерла.

«Операция отклонена. Пожалуйста, обратитесь в банк».

Внутри что-то оборвалось. Я попробовала еще раз. Меньшую сумму. Тот же результат. Вторая карта — заблокирована. Третья, кредитка на экстренный случай — лимит ноль.

Артем не просто пригрозил. Он выключил мой кислород одним нажатием кнопки, едва выйдя из гостиной. Мои пальцы мелко дрожали, пока я листала уведомления. Все счета, к которым у меня был доступ, были обнулены или заморо-

жены. Я осталась финансово голой. У меня в кошельке было всего несколько тысяч наличными — те самые «карманные деньги», которые я снимала вчера, словно предчувствуя беду.

— Это только первый этап, — пробормотала я, сглатывая ком в горле. — Ничего. У меня есть машина. Доеду до города, заложу кольца, что-то придумаю.

Я схватила сумку, взяла Антона за руку и почти бегом направилась в гараж. Огромные автоматические ворота поползли вверх с тягучим, издевательским звуком. Мой серебристый кроссовер — подарок мужа на рождение сына — стоял в центре, сверкая лакированными боками.

Я усадила Антона в кресло, пристегнула его, села за руль и нажала кнопку пуска двигателя.

Тишина.

Приборная панель даже не мигнула. Я попробовала еще раз. И еще. Машина была мертва. Это было невозможно — я ездила на ней вчера, она была в идеальном состоянии.

Я вышла, дернула рычаг капота и заглянула внутрь. Мой взгляд, привыкший находить патологии в человеческом теле, мгновенно выцепил аномалию здесь. Клеммы аккумулятора были аккуратно отсоединены. Болты не просто ослабили — их выкрутили и положили на пластиковую крышку двигателя. Рядом лежал гаечный ключ.

Это была не поломка. Это была записка. «Ты никуда не поедешь, Варя». Артем лично или руками своих людей по-

заботился о том, чтобы я не сдвинулась с места ни на метр.

— Мам, мы почему не едем? — спросил Антон из своего кресла.

— Машина закапризничала, малыш. Мы пойдем пешком. Дойдем до ворот, а там вызовем такси.

Я вывела его из гаража. Мы шли по идеально ровной дорожке нашего поселка. Осень здесь была красивой, дорогой — багряные клены, высаженные по линейке, чистый воздух. Но сейчас мне казалось, что деревья — это решетки.

У КПП стоял охранник Сергей. Обычно он улыбался мне и махал рукой, но сегодня его лицо было неподвижным, как у манекена. Когда мы подошли к калитке, он не нажал на кнопку. Он вышел из будки, преграждая нам путь.

— Варвара Алексеевна, доброе утро, — голос его был вежливым, но сухим.

— Сергей, откройте, пожалуйста. Нам нужно в город.

— Извините, Варвара Алексеевна, но Артем Викторович распорядился не выпускать вас и ребенка.

— Что? — я почувствовала, как по спине пополз липкий холод. — На каком основании? Это незаконно! Это лишение свободы!

— Артем Викторович сказал, что в городе сейчас неспокойно, — Сергей отвел взгляд, ему явно было не по себе, но страх перед хозяином был сильнее. — Он просил передать, что это ради вашей безопасности. Вам лучше вернуться в дом.

— Вы не имеете права! Я вызову полицию! — я сорвалась на крик.

— Мама, почему дядя нас не пускает? — Антон вцепился в мою штанину, его губа начала подрагивать.

Сергей промолчал, просто оставаясь на месте. Я посмотрела на его кобуру, на высокий забор с колючей проволокой под током, на камеры, которые медленно поворачивались вслед за каждым моим движением.

В этот момент я осознала масштаб катастрофы. Это был не просто элитный поселок. Это была высокотехнологичная частная тюрьма, где все — от охранника до садовника — получали зарплату из рук Артема. И я была здесь не хозяйкой. Я была ценным имуществом под охраной.

— Идем, Антон, — я развернулась, чувствуя, как внутри всё выгорает, оставляя только серую золу. — Мы... мы просто забыли кое-что дома.

Мы вернулись. Дом встретил нас прохладой и запахом лилий. Горничная Марина усердно протирала пыль в холле, но стоило мне войти, как она тут же опустила глаза и скрылась в подсобке.

Я попыталась позвонить маме. «Сеть недоступна». Я бросилась к роутеру в кабинете — индикаторы горели красным. Артем отключил связь. Вакуум. Он создал вокруг меня зону полного отчуждения.

Антон затих в своей комнате, испуганный моим состоянием. Он сел собирать лего, но его движения были нервными. Я зашла к нему, поцеловала в лоб и прошептала, что всё будет хорошо, хотя сама в это не верила.

Я бродила по комнатам, как раненый зверь. В каждой вазе, в каждом ковре я видела его волю. Артем не просто изменил мне. Он решил стереть меня как личность, оставить только оболочку, которая будет красиво стоять в углу.

Я поднялась в нашу спальню. Мне нужно было присесть, подумать, унять колотящееся сердце. Я села на край кровати, уставившись в одну точку. Взгляд бесцельно скользил по потолку, по лепнине... и вдруг зацепился за странный блик.

Над нашей кроватью, прямо в корпусе датчика пожарной сигнализации, что-то блеснуло. Крошечная, едва заметная точка.

Внутренний голос хирурга, привыкшего замечать мельчайшие детали на рентгеновских снимках, закричал: «Инородное тело!».

Я подтащила тяжелый стул, забралась на него, едва не сорвав занавеску. Мое лицо оказалось в нескольких сантиметрах от датчика. Внутри белого пластикового корпуса, за тонкой сеткой, притаился стеклянный зрачок объектива. Широ-

коугольная камера. Направленная прямо на кровать.

Меня обдало жаром, а затем ледяным потом.

Я соскочила со стула и начала лихорадочно осматривать комнату. Книжный шкаф. Между корешками энциклопедий — еще один черный глазок. Вентиляционная решетка в ванной — третья.

Они были везде.

Я стояла в центре спальни, и мне казалось, что невидимые нити тянутся от этих камер к моему телу, опутывая его, лишая права на частную жизнь, на стыд, на дыхание. Артем наблюдал за мной. Месяцами. А может, и годами. Каждое мое движение, каждый раз, когда я переодевалась, каждый мой сон — всё это было записано, задокументировано, сохранено на его серверах.

Он не просто не доверял мне. Он препарировал мою жизнь, как лабораторную лягушку.

— Тварь... — прошептала я, закрывая лицо руками. — Какая же ты тварь, Артем.

Я чувствовала себя грязной. словно по мне ползали тысячи насекомых. Моя «тихая гавань» оказалась реалити-шоу для одного зрителя — психопата, который называл себя моим мужем.

Я поняла, что у меня нет времени на слезы. Если он видит меня прямо сейчас, он видит мою панику. Он упивается моей беспомощностью.

Я выпрямила спину. Медленно, заставляя каждую мыш-

цу подчиняться. Я подошла к зеркалу и начала расчесывать волосы. Мое лицо в отражении было бледным, но взгляд... взгляд начал меняться. В нем проступила та самая холодная решимость, которая помогала мне выстаивать десятичасовые операции в ординатуре.

Артем думал, что запер меня в клетке. Он думал, что лишил меня связи и денег.

Но он забыл, что я — врач. А врач всегда ищет «слепую зону», место, куда не дотягивается инфекция. И я знала, где в этом доме есть такое место. Старый чердак, заваленный хламом, куда он никогда не заглядывал, считая это ниже своего достоинства.

Там, среди коробок с моими старыми учебниками, лежал мой медицинский кейс. А в нем — то, о чем Артем давно забыл. Мой старый телефон с другой сим-картой, который я хранила как память о той, другой Варваре.

Я посмотрела прямо в объектив камеры в пожарном датчике и едва заметно улыбнулась.

«Ты хочешь поиграть в бога, Артем? — подумала я. — Хорошо. Но помни: боги иногда умирают от рук тех, кого они считали своими созданиями».

Операция по спасению Варвары Токаревой перешла в стадию подготовки инструментов. И теперь я знала: я не просто уйду. Я исчезну так, что он до конца своих дней будет искать ответ на вопрос — как я смогла обмануть самого архитектора.

Я развернулась и спокойным, будничным шагом вышла из комнаты. Клетка захлопнулась, но я уже нашла в ней трещину. И этой трещиной была моя прошлая жизнь, которую он так настойчиво пытался стереть.

Наступала ночь. Мое время. Время, когда тени становятся длиннее, а хищники выходят на охоту. Только в этой истории хищником буду я.

Глава 7

Я лежала под невесомым шелковым одеялом, стараясь дышать максимально мерно и глубоко. Мои веки были сомкнуты, но под ними бешено металась зрачки. Я знала: прямо сейчас, где-то в глубине своего кабинета или через экран смартфона, Артем может наблюдать за мной. Стекланный зрачок в пожарном датчике над кроватью казался мне глазом циклопа, холодным и бездушным.

В этом доме больше не было интимности. Даже мой сон теперь принадлежал ему, как отчет о проделанной работе.

Нужно было играть. Быть покорной, сломленной, раздавленной его мощью. Я намеренно выключила свет раньше обычного, оставив лишь тусклое пятно ночника на тумбочке, чтобы тени в углах стали гуще. Артем всегда считал, что я боюсь темноты. Пусть думает так и дальше. Страх — отличная маскировка для того, кто готовит побег.

Дождавшись, когда стрелка часов перевалит за полночь, я медленно, почти неувовимо, начала выбираться из-под одеяла. Я подложила под него пару декоративных подушек, придавая им очертания своего тела. Старый трюк из детских книг, но в полумраке, через объектив камеры, это должно было сработать.

Мои босые ноги коснулись ворсистого ковра. Холодный воздух облизал лодыжки. Я двигалась вдоль стены, замирая

при каждом шорохе системы вентиляции.

Гардеробная была моей единственной «слепой зоной». Артем считал это место слишком тривиальным для слежки — горы платьев, ряды сумок и обуви не представляли для него интереса. Именно здесь, за стеллажом с моими тяжелыми зимними пальто, находился люк на технический чердак. Крошечная дверца, выкрашенная в цвет стен, о которой за пять лет жизни здесь я вспомнила лишь сегодня.

Я потянула за скрытую ручку. Дверца поддавалась с едва слышным стоном. Я проскользнула внутрь, чувствуя, как на лицо ложится паутина, а в нос бьет запах сухой пыли и старого дерева.

Здесь не было роскоши. Здесь не было Артема. Только тьма и забытое прошлое.

Я зажгла фонарик на телефоне, стараясь светить только под ноги. Чердак был завален хламом, который было жалко выбросить, но который не вписывался в минималистичный интерьер Токарева. Коробки с детскими игрушками, из которых Антон уже вырос, старая посуда, какие-то громоздкие вазы.

И вот он. В самом углу, под слоем серой пыли, стоял мой старый медицинский кейс. Кожанный, с потертыми углами, он выглядел здесь как обломок затонувшего корабля.

Мои пальцы дрожали, когда я коснулась защелок. Щелчок — и изнутри пахло чем-то до боли родным: смесью спирта, талька и старой бумаги. Для кого-то это был запах болез-

ни, для меня — запах свободы.

На самом верху лежала папка из плотного картона. Мой красный диплом. Я провела ладонью по золотому тиснению. Варвара Алексеевна Токарева... Нет, тогда я еще была Калугиной. Фамилия матери. Артем настоял на смене всех документов сразу после свадьбы, словно хотел стереть меня прежнюю и написать на чистом листе свою версию женщины.

Я залезла глубже, в боковой карман кейса. Мои пальцы нащупали твердый прямоугольный предмет.

Старая кнопочная «Нокия». Я хранила её как талисман. В ней жили сообщения от отца, которого не стало за год до моего замужества, и номера тех, с кем Артем запретил мне общаться, посчитав их «недостаточно статусными» для своей жены.

Я нажала на кнопку включения, замирая от страха. Экран мигнул, на мгновение осветив мои испачканные в пыли руки, и выдал слабую, но жизнеутверждающую мелодию. Аккумулятор был почти пуст, но он жил.

На заставке — фото из другой жизни. Мы с Антониной на крыльце университета. Нам по двадцать два, на нас белые халаты, которые кажутся нам крыльями. Мы смеемся, и впереди — целая жизнь, полная операций, спасенных жизней и научной славы.

Я сглотнула тяжелый ком. Как я позволила ему сделать это со мной? Как я обменяла этот смех на изумрудное кольцо?

Я быстро зашла в контакты. Тоня. Антонина Еремеева... нет, тогда она была просто Кузьминой. Я набрала номер, молясь всем богам, чтобы она не сменила его за эти годы.

Гудки шли долго. Каждый из них отдавался в моих висках ударом молота.

— Алло? — голос на том конце был сонным и раздраженным. — Кто это в два часа ночи?

— Тоня... — мой голос сорвался, превратившись в сиплый шепот. — Тоня, это Варя.

Тишина на той стороне стала осязаемой. Я слышала, как подруга перехватила трубку, как зашуршало одеяло.

— Варя? Токарева? Ты жива? Господи, мы пять лет о тебе ничего не слышали! Ты где?

— Я в аду, Тонь, — я привалилась спиной к пыльной балке, чувствуя, как силы покидают меня. — Он запер меня. Он следит. Он... у него другая семья, Тонь. И он не отпускает меня. Он заберет Антона.

Я говорила быстро, захлебываясь словами, вываливая на подругу весь ужас последних двух дней. Про улицу Строителей, про камеры в спальне, про заблокированные карты и машину со снятыми клеммами.

— Психопат... — выдохнула Антонина. — Варя, он же типичный деструктивный нарцисс. Он не просто изменил, он тебя консервирует. Как бабочку под стеклом.

— Мне нужно бежать, Тонь. Но я не могу просто выйти за ворота. У меня нет денег, нет машины, а на КПП — его личная гвардия.

— Слушай меня внимательно, — голос Антонины стал профессионально-собранным. — Ты не должна просто бежать. Ты должна исчезнуть. Если ты приедешь к матери, он найдет тебя через час. Если пойдешь в полицию — его адвокаты сделают из тебя сумасшедшую. Тебе нужно место, где его деньги и связи не работают.

— Где это, Тонь? — я вытерла слезы рукавом свитера.

— Приезжай в Новосибирск. У нас тут открылась новая клиника. Частная, закрытая, с очень... специфическим руководством. Я здесь старшая медсестра. Мы поможем тебе скрыться, но ты должна понимать: старая Варя должна умереть. Ты не сможешь больше быть Токаревой. Твои руки, Варя... они созданы для скальпеля, а не для этих золотых цепей. Ты помнишь, как ты шила сосуды на четвертом курсе? Профессор говорил, что у тебя дар от Бога.

— Я всё помню, Тонь. Но как мне добраться?

— Рискуй, девочка. Ищи союзников среди тех, кого он считает мебелью. И запомни одно имя. Виктор Еремеев.

Я нахмурилась. Фамилия была знакомой — так звали мужа Тони, но она говорила о ком-то другом.

— Твой муж?

— Нет, мой муж — его брат, — Антонина понизила голос.

— Виктор — хирург-отшельник. Гений и сволочь в одном флаконе. Он берет только «безнадежные случаи». И я сейчас не только про медицину. Если ты до него доберешься, он сможет сделать так, что Артем тебя не узнает, даже если столкнется нос к носу. Но Виктор не любит богатых кукол. Тебе придется доказать, что ты — всё еще тот врач, которым когда-то была.

— Я докажу, — я сжала кулак так, что ногти впились в ладонь. — Мне плевать, что придется делать. Главное — спасти сына.

— Тогда жду. У тебя мало времени, Варя. Аккумулятор садится?

— Почти всё.

— Прячь телефон. И готовься. Ночью хищники спят хуже, но они ослеплены своей уверенностью. Артем уверен, что ты сломлена. Используй это.

Я выключила телефон. Экран погас, погружая чердак в абсолютную, плотную темноту. Я сидела в этой тишине, прижимая к груди свой медицинский кейс, и впервые за пять лет чувствовала, что у меня есть пульс.

Старая Варя действительно должна была умереть. Та женщина, которая терпела холодные поцелуи и выбирала шторы, больше не существовала.

Я медленно начала спускаться вниз, в свою золотую клетку. Но теперь я знала: у этой клетки есть выход. И имя ему — Виктор Еремеев. Человек, который чинит безнадежные

случаи.

Завтра Артем увидит мою «покорность». Он увидит идеальную жену, которая осознала свою вину. Он расслабится, он захочет отпраздновать свою победу над моей волей. И в эту секунду я нанесу свой удар.

Я скользнула в постель, под одеяло, к своим подушкам-дублерам. Датчик на потолке безмолвно смотрел на меня.

— Смотри внимательно, Артем, — прошептала я одними губами, закрывая глаза. — Это последний раз, когда ты видишь меня такой.

До рассвета оставалось три часа. Самое время, чтобы стать призраком в собственном доме. Время, чтобы из жертвы превратиться в хирурга, который готовится к самой важной ампутации в своей жизни.

Глава 8

Хрусталь звенел тонко и жалобно, когда Артем в очередной раз наполнял свой бокал. В столовой пахло запеченной уткой с розмарином и его триумфом — густым, приторным, забивающим легкие. Он сидел во главе стола, расслабив узел галстука, и смотрел на меня так, словно я была редким трофеем, который наконец-то перестал дергаться в силках.

Я сидела напротив, пряча руки под скатертью. Моя спина была идеально прямой, взгляд — кротким и чуть влажным, как у побитой собаки, которая осознала силу хозяйского сапога. Это была моя лучшая роль. Хирургическая точность в каждом жесте: чуть дрожащие губы, когда он повышает голос, покорный наклон головы, когда он требует внимания.

— Вот видишь, Варя, — Артем сделал внушительный глоток коллекционного коньяка. Янтарная жидкость маслянисто блеснула на стенках бокала. — Тишина. Порядок. Всё вернулось на круги своя. Стоило ли устраивать этот вчерашний цирк с сережками и фотографиями?

— Я была не в себе, Артем, — я прошептала это, глядя в свою тарелку. К еде я не прикоснулась. — Шок. Глупость. Пожалуйста, давай больше не будем об этом. Ты прав... я слишком засиделась дома. Напридумывала себе лишнего.

Артем довольно хмыкнул. Он любил, когда я признавала его правоту. В его мире существовало только две точки зре-

ния: его и ошибочная. И сейчас он наслаждался тем, как я, его «красивое дополнение», окончательно капитулировала.

— Ты умная женщина, Варя. Редкое качество для твоего пола, — он потянулся к бутылке. Коньяк «Louis XIII» убывал с пугающей скоростью. — Я ценю покорность. Завтра Егор разблокирует одну из твоих карт. купишь себе что-нибудь. Бриллианты всегда помогают забыть о дурных мыслях, разве не так?

— Спасибо, Артем, — я подняла на него глаза, стараясь, чтобы в них отражалась лишь благодарность, а не ледяная ярость, выжигающая нутро.

Я наблюдала за ним, как анестезиолог за пациентом. Артем пил много. Его движения становились чуть более размашистыми, голос — громче, а зрачки — шире. Он праздновал свою победу над моей волей. Он считал, что купил мое молчание и мою жизнь за обещание вернуть доступ к деньгам.

— Выпей со мной, — приказал он, пододвигая ко мне бокал. — За нас. За идеальную семью Токаревых. За фундамент, который невозможно разрушить.

Я пригубила. Коньяк обжег горло, но этот огонь был ничем по сравнению с тем, что бушевало внутри. Каждая клетка моего тела кричала: «Беги!». Но я заставляла себя сидеть. Я ждала, когда алкоголь сделает свою работу. Я знала стадии опьянения Артема до секунды. Сейчас он был в фазе агрессивного благодушия. Скоро наступит фаза тяжелого, беспробудного сна.

Через час он едва поднялся со стула. Я подошла к нему, мягко обхватила за талию, помогая удерживать равновесие.

— Пойдем, Артем. Тебе нужно отдохнуть. Завтра важный день в офисе.

— Да... важный... — он тяжело оперся на мое плечо. — Сургут. Контракты. Я всех сожру, Варя. Всех.

Я довела его до спальни. Помогла снять пиджак и туфли. Артем рухнул на кровать, даже не накрывшись одеялом. Спустя пять минут комнату заполнил его тяжелый, рокочущий храп. Пьяный сон — самый надежный союзник беглеца.

Я замерла в центре комнаты. Датчик на потолке мигнул красным глазом камеры. Я знала, что он там. Я знала, что Артем может проснуться и проверить запись. Или Егор, если ему станет скучно в своей будке охраны.

Я медленно начала раздеваться, имитируя обычную подготовку ко сну. Аккуратно сложила одежду. Надела шелковую ночную сорочку. Затем легла в постель, спиной к мужу. Я лежала неподвижно около двадцати минут, считая удары собственного сердца. Семьдесят два. Семьдесят четыре. Семьдесят восемь. Пульс частил, но я контролировала дыхание.

Убедившись, что Артем окончательно провалился в небытие, я начала действовать.

Я выскользнула из-под одеяла, стараясь не потревожить матрас. Мои движения были текучими, как у тени. Я знала «слепые зоны» каждой камеры в этой комнате — я вычис-

лила их еще днем, пока Артем был на работе. Я прокралась к гардеробной, накинула темный халат и надела мягкие тапочки на бесшумной подошве.

Путь до его кабинета казался бесконечным. Коридор, залитый мертвенно-синим светом ночной подсветки, выглядел как тоннель в иную реальность. Я двигалась по «артериям» дома, который больше не был моим. В каждой тени мне мерещился Егор. Каждое пощелкивание системы климат-контроля звучало как шаги преследователя.

Дверь кабинета была заперта на электронный замок. Я приложила палец к сенсору — Артем, в порыве бывшего доверия или просто по привычке считать меня частью своего организма, добавил мой отпечаток в базу еще в первый год брака. Он был уверен, что я никогда не посмею войти сюда без приглашения.

Замок щелкнул. Я зашла внутрь, мгновенно прикрыв дверь.

Кабинет пах старой кожей, дорогим табаком и концентрированной властью. Огромный стол из мореного дуба, на котором не было ни единой лишней соринки. Сейф был замаскирован за одной из панелей книжного шкафа. Я знала код. Я видела его дважды: один раз, когда Артем был слишком расслаблен после удачной сделки, и второй — когда он доставал для меня очередное «украшение для собственности».

Мои пальцы летали по сенсорной панели. 1-4-0-5. Дата нашего знакомства. Цинично, в его стиле.

Панель бесшумно отошла в сторону.

Внутри сейф был разделен на секции. Я не смотрела на золото и часы. Мне нужны были пачки наличных. Артем всегда держал здесь «оперативный резерв» — сотни тысяч евро и долларов. Я начала перекладывать деньги в глубокие карманы халата. Толстые пачки приятно тяжелили ткань. Это не были деньги на шторы или туфли. Это была цена моей свободы. Цена билетов в новую жизнь для меня и Антона.

Я рылась глубже, пока мои пальцы не наткнулись на старую папку из грубой кожи.

Я вытащила её и раскрыла прямо на полу, подсвечивая фонариком телефона. Внутри лежали документы, которые Артем забрал у меня «для надежности» пять лет назад. Мой загранпаспорт. Свидетельство о праве собственности на крошечную квартиру моей матери в пригороде (которую он заставил меня продать, но документы, как оказалось, сохранил).

И самое главное — серая папка с надписью «Архив».

В ней я нашла паспорт моей бабушки по материнской линии — Варвары Ильиничны Калугиной. Она умерла десять лет назад, но Артем сохранил её бумаги зачем-то при вступлении в наследство. Фото в паспорте было старым, черно-белым. Бабушка в молодости была удивительно похожа на меня — те же скулы, тот же разрез глаз. Калугина. Фамилия матери. Моя родовая фамилия, которую Артем заставил меня сменить на свою, клеймя своим именем.

— Калугина, — прошептала я, касаясь пальцами старой бумаги. — Теперь я снова стану Калугиной.

Я спрятала паспорт бабушки и наличные за пазуху. Я уже собиралась закрыть сейф, когда мой взгляд зацепился за тонкую папку яркого, неестественно синего цвета. На корешке была наклейка с моим именем. «Варвара Токарева. Личное».

Моё сердце пропустило удар. Личное? У него на меня есть досье?

Я открыла её. И мир вокруг меня поплыл.

Это не были счета или медицинские страховки. Это была анатомия моего уничтожения, подготовленная заранее. В папке лежали отчеты частных детективов. Записи моих разговоров с няней. Но хуже всего были медицинские бланки.

Сфабрикованные справки из частной психиатрической клиники, датированные прошлым годом. В них черным по белому было написано, что Варвара Токарева страдает «пограничным расстройством личности с суицидальными наклонностями и эпизодами неконтролируемой агрессии». К справкам были приложены фотографии, сделанные скрытыми камерами в доме. На одной я плачу в ванной (вырвано из контекста — я тогда просто сильно порезала палец). На другой я кричу на горничную (которая украла мои украшения, но на фото я выгляжу как фурия).

Там же лежал черновик искового заявления в суд. Артем требовал единоличной опеки над Антоном в связи с «психической несостоятельностью матери».

Он готовил это год. Минимум год он собирал эти «доказательства», чтобы в любой момент, когда я стану ему неудобна или когда он решит полностью легализовать Веру, просто вышвырнуть меня в психушку и навсегда забрать сына. Он страховал свою власть. Он не просто изменял мне — он планировал мое юридическое и социальное убийство.

Холод, который я почувствовала в ту секунду, был страшнее любого мороза. Я смотрела на эти бумаги и понимала: я никогда не была его женой. Я была риском, который нужно было хеджировать. Я была помехой, для которой он уже выстроил стены другой тюрьмы — с мягкими стенами и решетками на окнах.

Я поняла, что у меня нет времени до завтра. И до следующей недели тоже. Если я останусь здесь еще хотя бы на день, он может нажать на рычаг в любую секунду. Справки уже готовы. Подписи врачей — подлинные (купленные, но подлинные).

Я закрыла сейф. Мои движения стали лихорадочными. Я не просто грабила его. Я спасала свою жизнь от человека, который решил, что он — бог и судья в одном лице.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как пачки денег давят на грудь. Внутри меня что-то окончательно выгорело. Любовь? Жалость? Обида? Всё это исчезло. Остался только холодный, звенящий инстинкт выживания.

Я вернулась в спальню. Артем продолжал храпеть. Я легла в постель, но больше не закрывала глаз.

В сумке на чердаке уже лежал мой красный диплом. В кармане халата — деньги и имя Калугиной. А в моей душе — знание о том, что человек, спящий рядом со мной, страшнее любого монстра из детских сказок.

— Ты думал, что купил меня, Артем, — прошептала я, глядя в красный глаз камеры под потолком. — Ты думал, что я — вещь, которую можно списать в утиль, когда она надоест. Но хирург знает: чтобы спасти жизнь, нужно отсечь всё лишнее. И я начну с тебя.

До рассвета оставалось совсем немного. И это был последний рассвет, который я встречу в этом доме. Наступало время «Ночного экспресса». Время, когда Варвара Токарева исчезнет навсегда, оставив после себя лишь пепел и пустое изумрудное кольцо.

Я сжала паспорт бабушки Калугиной. Моя новая жизнь начиналась с кражи и лжи. Но после пяти лет жизни с Артемом Токаревым я научилась играть по правилам этого мира. И я собиралась выиграть эту партию. Любой ценой.

Глава 9

Тень от пожарного датчика на потолке больше не казалась мне просто деталью интерьера. Теперь это был зрачок циклопа, слепого, но фиксирующего каждое мое мимолетное движение. Я лежала неподвижно, заставив себя дышать глубоко и ровно, пока сердце колотилось где-то в горле, выстукивая ритм обратного отсчета.

Два часа ночи. Время, когда даже самые бдительные хищники впадают в оцепенение, обманутые собственной самоуверенностью. Артем спал за стеной — я слышала его тяжелый, прерывистый храп, усиленный пьяным коньячным угаром. В этом доме он чувствовал себя богом, а боги не ждут удара в спину от своей «собственности».

Я медленно, миллиметр за миллиметром, сползла с кровати. Шелк ночной сорочки скользнул по коже холодным поцелуем предателя. В темноте я переоделась в приготовленные вещи: темные джинсы, черный кашемировый джемпер, кроссовки на мягкой подошве. Никаких шуршащих тканей, никаких ярких пятен. Я должна была стать частью теней, пропитавших этот особняк.

Сначала — детская.

Дверь в комнату Антона приоткрылась без единого звука. Внутри пахло теплом, стиральным порошком и легким ароматом яблочного сока. Мой сын спал, раскинув руки, его

лицо в свете ночника-звездочки казалось ангельским и совершенно беззащитным. Укол вины прошел меня насквозь: я вырывала его из мира, где у него были лучшие игрушки и личный повар, и тащила в неизвестность.

— Малыш, — я коснулась его плеча, прижимая палец к своим губам. — Антон, просыпайся. Это секретное приключение.

Он открыл глаза. Сонный, дезориентированный, он хотел что-то спросить, но мой взгляд — жесткий, медицинский, не терпящий возражений — заставил его замолчать. Он кивнул, послушно натягивая приготовленную одежду. В свои четыре года он слишком хорошо научился чувствовать смену настроения в доме.

Я вытащила из-под кровати сумку, которую принесла с чердака пару часов назад. В ней — красный диплом, старый телефон, паспорт бабушки Калугиной и пачки денег, пахнущие кожей и цинизмом Артема.

Перед тем как выйти, я подошла к его кровати. На мягкой подушке я оставила сложенный вдвое листок. Это было мое последнее сообщение мужу. Короткое. Хирургически точное.

«Ты думал, что купил меня, Артем. Но ты купил только мое лицо. Теперь я его тебе возвращаю. Считай это расторжением контракта».

Мы вышли из комнаты. Каждый шаг по длинному коридору казался мне грохотом обвала. Я знала, где стоят каме-

ры — Артем сам хвастался системой безопасности, когда мы только въехали. «Ни одна мышь не проскочит, Варя».

Мы спустились по черной лестнице, предназначенной для персонала. Здесь не было пафосного мрамора, только практичный линолеум. Внизу, у выхода во двор, нас ждал единственный шанс.

Стас.

Он стоял у черного хода, нервно поправляя кобуру. Со всем мальчишка, двадцать три года, из тех, кого Егор набирал «для массовки» в охрану периметра. Полгода назад его мать привезли в городскую больницу с гангреной стопы. Врачи разводили руками, готовясь к ампутации. Я тогда случайно оказалась в клинике, забирая какие-то документы для Артема, и вмешалась. Тайно, через старых коллег, я провела операцию, которая спасла женщине ногу. Стас об этом знал. Стас помнил.

— Варвара Алексеевна, — прошептал он, его голос дрожал. — Вы уверены? Если Егор узнает... он меня живьем закопает.

— Он не узнает, Стас. Просто вывези нас. Ты обещал.

— Садитесь в патрульную. Быстрее. На КПП сейчас Михалыч, он спит после смены, но камеры... я их зациклил на пять минут. У нас только пять минут, Варя.

Я схватила Антона в охапку.

— Лезь в багажник, милый. Там мягко, это как домик.

Нужно посидеть тихо-тихо, как мышка. Помнишь игру?

Антон кивнул, хотя его глаза были полны недетского страха. Я забралась следом, втискиваясь в тесное, пахнущее бензином и старым железом пространство. Крышка багажника захлопнулась с глухим стуком, погрузив нас в абсолютную тьму.

Машина тронулась.

Я прижала сына к груди, чувствуя, как его маленькое сердечко колотится о мои ребра. В багажнике было холодно, металл обжигал сквозь одежду. Пахло машинным маслом и пылью. Я закрыла ему уши ладонями, чтобы он не слышал рева мотора.

«Раз, два, три, четыре, пять... я иду искать...» — шептала я ему на ухо какую-то бессмысленную сказку, пытаюсь заглушить собственный ужас.

Машина затормозила. КПП.

Я затаила дыхание. Через тонкую перегородку я слышала голоса.

— Куда на ночь глядя, Стас? — это был Михалыч. Его голос, пропитанный табаком и ленью, казался мне голосом самого палача.

— Да за сигаретами в круглосуточный, кончились, а смена до восьми, — Стас старался говорить непринужденно, но я слышала фальшивую нотку.

— Гляди у меня, Егор увидит — вставит пистон. Проезжай.

Скрежет открывающихся ворот. Рывок машины. Мы выехали.

Стас проехал еще около двух километров, прежде чем остановиться на обочине лесной трассы, вдали от фонарей и камер поселка. Когда он открыл багажник, ночной воздух показался мне самым сладким парфюмом в мире.

— Всё, — Стас помог мне выйти. Его лицо было бледным. — Дальше сами. Вот, возьмите.

Он протянул мне старый, обшарпанный смартфон.

— Это «чистый», на нем нет маячков. Симка оформлена на покойника. Вызовите такси до вокзала, здесь ловит. И... удачи вам, Варвара Алексеевна. Вы — хороший человек. Не возвращайтесь.

— Спасибо, Стас. Я вложила в его руку пачку денег, которые ранее достала из сейфа.

-Не нужно,я и так должен Вам,погроб жизни..

-Возьми, думаю тебе пригодятся..Еще раз,спасибо .Ты не представляешь,что ты сейчас для нас сделал..Я этого не забуду....

Машина охраны развернулась и скрылась в темноте, оставив нас на краю дороги. Тишина леса давила на уши. Я быстро набрала номер такси, назвав имя «Варвара Калугина».

Через пятнадцать минут из темноты вынырнули фары старой «Шкоды». Водитель, заспанный мужик, даже не взглянул на нас. Для него мы были просто ночными пассажирами, решившими сэкономить на поездке из пригорода.

Вокзал встретил нас запахом дешевого кофе, креозота и безнадеги. Это был другой мир. Здесь не было изумрудов и шелка. Здесь были люди с усталыми лицами, тюки, крики диспетчера и вечная суeta лимба. Я натянула капюшон глубже, пряча лицо. Каждая пара глаз казалась мне объективом Егора.

— Два билета до Новосибирска. Ближайший, — я положила на стекло кассы пачку помятых купюр.

— Паспорта? — женщина за стеклом зевнула, не поднимая глаз.

Я протянула ей паспорт бабушки. Старая фотография, черно-белая. Женщина мельком взглянула на нее, потом на меня. Я задержала дыхание. Сейчас. Сейчас она скажет, что фото не совпадает. Что я — воровка.

— Калугина Варвара... — пробормотала она, вбивая данные. — Поезд через двадцать минут. Пятый путь.

Я схватила билеты и потянула Антона за собой. Мы почти бежали по перрону. Поезд «Москва — Владивосток» стоял, окутанный паром, как доисторический монстр. Наш вагон — купейный, в самом конце состава.

— Мам, мне страшно, — прошептал Антон, глядя на грохочущие составы.

— Это просто шум, малыш. Скоро мы будем в домике на колесах и уснем.

Проводница проверила билеты, мельком глянув на сонного ребенка. Мы зашли в купе. Оно было пустым — я купила все четыре места, потратив на это прорву денег, но мне нужна была изоляция. Я заперла дверь на все замки и цепочку.

Только тогда я опустилась на полку. Мои руки задрожали так сильно, что я не могла расстегнуть куртку. Это был тремор хирурга после первой неудачной реанимации.

Поезд вздрогнул. Вагоны лязгнули, передавая импульс по всему составу. Медленно, нехотя, перрон начал уплывать назад.

Я подошла к окну и чуть отодвинула плотную серую занавеску.

На пустую парковку перед зданием вокзала на огромной скорости влетел черный внедорожник. Его фары разрезали темноту, как два лазерных луча. Машина не остановилась у входа, она сделала широкий круг по площади, словно хищник, обнюхивающий след.

Это был «Гелендваген» Егора. Я узнала его по характерному обвесу и номерам.

Машина затормозила прямо напротив нашего вагона, отделенная от нас только заграждением путей. Егор не вышел. Он просто стоял там, в темноте салона, скрытый за глухой

тонировкой. Но я кожей чувствовала его взгляд. Холодный, аналитический, обещающий смерть.

Он опоздал на пять минут. Всего на пять минут. Но он знал, что я здесь.

Поезд набирал скорость. Огни вокзала сливались в одну длинную, размытую линию. Черный внедорожник остался позади, превратившись в крошечную точку, а затем и вовсе исчез в ночи.

Я отошла от окна и привалилась спиной к двери.

— Мы уехали, мам? — Антон смотрел на меня, обнимая своего медведя.

— Да, Антошка. Мы уехали.

Я достала из сумки старый телефон бабушки. Пять лет я была Варварой Токаревой. Пять лет я была тенью мужчины, который считал меня своей вещью.

Теперь я была Варварой Калугиной. Женщиной без лица, без дома, с пачкой ворованных денег и ребенком на руках.

Впереди был Новосибирск. Город, где меня ждала неизвестность и человек по имени Виктор Еремеев, который, по словам Антонины, чинит безнадежные случаи.

Я посмотрела на свои руки. Они всё еще пахли бензином из багажника Стаса. Я вытерла их о джинсы, словно пытаюсь стереть всё свое прошлое. Поезд стучал колесами, отсчитывая километры моей новой свободы. Свободы, которая пахла страхом и холодным металлом скальпеля, который мне еще

только предстояло взять в руки.

Артем будет искать. Он перевернет страну. Но он не знает одного: Варвара, которую он купил пять лет назад, умерла в ту секунду, когда закрылась дверь багажника.

А та, что едет сейчас в ночном экспрессе, больше не боится темноты. Она сама стала тьмой, в которой он скоро заблудится.

Глава 10(Артем)

(от лица Артема)

Солнце полоснуло по глазам, как плохо заточенный скальпель. Я зажмурился, чувствуя, как в висках начинает пульсировать тяжелая, вязкая боль — расплата за вчерашний коньяк. В горле пересохло так, словно я всю ночь жевал придорожную пыль.

— Варя... — прохрипел я, не открывая глаз. — Воды. И таблетку.

Тишина.

В нашем доме тишина всегда была признаком безупречной работы механизмов. Варя знала: когда я просыпаюсь, шторы должны быть раздвинуты ровно на ту ширину, которая не слепит, стакан ледяной воды с лимоном должен стоять на тумбочке, а в ванной — течь вода идеальной температуры. Но сегодня тишина была другой. Она не была уютной. Она была вакуумной, мертвой, как в салоне машины, у которой на полном ходу заглох двигатель.

Я перекатился на бок, протягивая руку к её половине кровати. Холодный шелк. Простыня была натянута так туго, будто на ней никто и не спал.

Я резко сел, игнорируя вспышку боли в затылке.

— Варвара!

Голос прозвучал глухо в пустоте огромной спальни. Я встал, пошатываясь, и толкнул дверь в ванную. Пусто. Никакого пара, никакого запаха её цветочного мыла. Только две зубные щетки в стакане, стоящие как надгробия на могиле моего вчерашнего торжества.

Внутри зашевелилось раздражение. Значит, она решила продолжить свой бунт? Обиделась. Спряталась в одной из гостевых комнат или ушла в детскую к сыну, надеясь, что я приду извиняться? Глупая женщина. Она так и не поняла за пять лет, что я не извиняюсь. Я диктую условия.

Накинув халат, я вышел в коридор. Мои шаги по паркету звучали слишком громко. В холле я увидел горничную Марину — она замерла с тряпкой в руках, бледная, как ошпаренная.

— Где Варвара Алексеевна? — спросил я, останавливаясь у перил.

— Я... я не видела её с утра, Артем Викторович. И Антона Артемовича тоже. Няня говорит, в детской пусто. Мы думали, они с вами...

Я не дослушал. Холодная волна, не имеющая ничего общего с утренним сквозняком, поднялась от желудка к горлу. Я направился к кабинету. Это было моё святилище, место, куда никто не смел входить без моего разрешения.

Дверь была приоткрыта. Совсем чуть-чуть. Тонкая полоска темноты в проеме смотрела на меня, как насмешка.

Я вошел, чувствуя, как кулаки сжимаются сами собой.

В кабинете пахло... ей. Слабый, едва уловимый аромат тех чертовых лилий, которыми она заставила весь дом. Но к нему примешивался другой запах — старой пыли и потревоженного металла.

Я подошел к стене, где за панелью из мореного дуба скрывался сейф. Панель была отодвинута.

Мои пальцы, обычно такие уверенные и твердые, слегка дрожали, когда я набрал код. 1-4-0-5. День нашего знакомства. Я выбрал эти цифры, потому что считал это забавным — владеть её жизнью через дату, которую она считала романтической.

Дверца отошла.

Сейф не был пуст. Мои золотые часы, слитки, документы на объекты — всё было на месте. Но в центральной секции, где я держал «черный нал» для быстрых сделок и семейные архивы, зияла пустота. Исчезли пачки евро. Исчезли документы её матери, которые я хранил как страховку.

Она не просто ушла. Она меня ограбила. Моя домашняя кошка, моя тихая Варя, вскрыла мой тайник и выгребла то, что считала своим по праву.

Я почувствовал, как ярость, настоящая, первобытная ярость зверя, у которого украли добычу, затапливает сознание. Это не была боль предательства. Это было унижение собственности. Моя вещь посмела взломать мой замок.

В дверях появился Егор. Он выглядел так, будто не спал всю ночь — глаза покраснели, на щеке виднелась свежая ца-

рапина от веток. Он не ждал, пока я заговорю.

— Они ушли, Артем Викторович.

— Я вижу, что они ушли, Егор! — я ударил ладонью по столу так, что подскочила чернильница. — Как?! У меня в доме лучшая охрана в области! У меня камеры на каждом столбе!

— Стас, — коротко бросил Егор, опуская голову. — Молодой из ночной смены. Он вывез их в багажнике патрульной машины. Камеры на КПП зациклили. Мы нашли его машину брошенной у трассы. Самого парня нет.

Я сел в кресло, чувствуя, как пульсирует вена на виске.

— Где они сейчас?

— Я успел на вокзал, — Егор замялся, и в его голосе я впервые услышал тень страха. Поезд отошел за пять минут до моего приезда. Я проверил списки. Варвара Калугина и ребенок. Она использовала паспорт своей покойной бабки.

Я закрыл глаза. Калугина. Она вернула себе девичью фамилию матери еще до того, как пересекла черту города. Моя покорная жена готовила это не один день. Она знала о сейфе, она знала, к кому обратиться из охраны, она знала, какой паспорт использовать.

— Ты упустил их, Егор, — тихо сказал я. В моем голосе не было крика, только ледяная угроза. — Ты позволил женщине, которая смыслит в жизни не больше комнатной фиалки, обвести тебя вокруг пальца.

— Я найду её, Артем Викторович. Дайте мне сутки. Она

в поезде. Мы перехватим её на следующей крупной станции. Подключим транспортную полицию, скажем, что украден ребенок...

— Нет, — я открыл ящик стола и достал ту самую синюю папку. — Мы сделаем всё официально. Чтобы у неё не было ни единого шанса вернуться в этот мир в здравом уме.

Я бросил папку на стол перед Егором. В ней были те самые справки. Мой «страховой полис».

— Здесь заключения врачей. Варвара Алексеевна Токарева страдает тяжелой формой шизофрении с суицидальными наклонностями. Она украла ребенка у законного отца, находясь в состоянии острого психоза. Она опасна для себя и окружающих. Понял меня?

Егор быстро пролистал бумаги. Его лицо не дрогнуло — он привык исполнять приказы, не задавая вопросов о морали.

— Понял. Объявляем в федеральный розыск как психически больную?

— Именно. Подключи все мои связи. В РЖД, в МВД. Мне нужно, чтобы на каждой станции её ждали не просто наряды, а санитары. И чтобы ребенка изъяли немедленно. Как только она окажется в закрытой клинике, я сам оформлю опеку. Она хотела войны? Она её получила. Только она забыла, что в этой войне я — главнокомандующий, а она — дезертир, подлежащий трибуналу.

Я встал и начал ходить по кабинету. Каждая деталь здесь

напоминала мне о моей власти, и мысль о том, что где-то в гремящем вагоне Варя сейчас чувствует себя свободной, вызывала у меня приступ физической тошноты. Свобода — это привилегия сильных. Она — слабая. Она — моя.

— Иди, — приказал я Егору. — И не возвращайся без адреса клиники, в которую её упакуют.

Когда дверь за ним закрылась, я направился в детскую. Мне нужно было увидеть это место без них.

В комнате Антона пахло по-прежнему — детством и спокойствием. Но это была декорация. Игрушки лежали на своих местах, за исключением любимого медведя сына. Варя собиралась в спешке, но не забыла о чувствах ребенка. Это раздражало еще сильнее.

Я подошел к кровати. Покрывало было откинута. И там, на подушке, я увидел белый листок бумаги, сложенный вдвое.

Мои пальцы сжали бумагу так сильно, что она захрустела. Я развернул её.

Почерк Вари. Всегда аккуратный, каллиграфический, как у прилежной ученицы. Но в этих строках не было прилежности. В них был приговор.

«Ты думал, что купил меня, Артем. Но ты купил только мое лицо. Теперь я его тебе возвращаю. Считай это расторжением контракта».

Я смял записку в кулаке, чувствуя, как ярость превращается в холодный, кристаллический свинец.

«Вернула лицо»? Она думает, что может просто сменить фамилию и уехать, и я перестану быть её хозяином? Она думает, что её «лицо» — это всё, что мне было нужно?

Я посмотрел на себя в зеркало, висевшее на стене детской. Успешный, властный, идеальный. Она нанесла удар по моей гордости. Она заставила меня выглядеть дураком в глазах моей охраны, моих юристов, Егора. Она украла у меня наследника, которого я растил как продолжение самого себя.

— Ты пожалеешь о каждой букве в этой записке, Варя, — прошептал я.

Мой мозг уже работал в режиме бизнес-стратегии. Если она забрала диплом, значит, она попытается работать. Значит, ей нужны деньги. Она поедет туда, где есть зацепки. Новосибирск — это только начало. Она будет искать помощи у своих старых подружек-врачей.

Я достал телефон и набрал номер начальника областного УВД.

— Привет, Петр. Да, есть проблема. Семейная. Жена в неадекватном состоянии, украла сына и крупную сумму. Справки из клиники у моего начальника СБ. Мне нужно, чтобы её приняли максимально жестко, но без камер. Понимаешь? Да. Закрытый спецтранспорт. Ребенка доставить ко мне лично.

Я положил трубку.

Зверь внутри меня успокоился. Теперь началась охота. Я не буду кричать, не буду бить посуду. Я буду методично, шаг

за шагом, перекрывать ей все выходы. Я аннулирую её диплом. Я сделаю так, что её имя будет в черных списках всех банков и больниц страны.

Она хотела вернуться к жизни врача? Я сделаю так, что её единственным пациентом в ближайшие двадцать лет будет стена в палате для буйных.

Я вышел из детской, плотно закрыв дверь.

— Марина! — позвал я горничную, стоявшую в конце коридора.

— Да, Артем Викторович? — она подбежала, дрожа всем телом.

— Выброси все лилии из этого дома. Все до единой. И чтобы я больше никогда не видел этих цветов в моем присутствии.

Я спустился по лестнице, чувствуя, как возвращается привычная уверенность. Варя думала, что она хирург, который делает надрез. Но она забыла, что я — застройщик. Я не просто делаю надрезы. Я сношу старые здания до самого фундамента, чтобы на их месте построить то, что нужно мне.

И на этот раз я построю для неё такую реальность, из которой она не выберется никогда.

— Егор! — крикнул я, входя в холл. — Машину. Мы едем в офис. Нужно подготовить документы на лишение её родительских прав задним числом.

Охота началась. И я не сомневался в её исходе. Ведь в этом мире всё принадлежит мне. А то, что пытается ускольз-

нуть — просто еще не почувствовало на своей шее настоящий капкан.

Глава 11

Новосибирск встретил меня запахом горелого угля и колючим снегом, который больше напоминал мелкую наждачную крошку. Здесь, на перроне вокзала, он казался не просто другим городом, а другой планетой, чья атмосфера была выкачана мощным вакуумным насосом. Воздух был плотным, чужим, он не наполнял легкие, а царапал их изнутри.

Я крепче сжала руку Антона. Он, закутанный в шарф по самые глаза, испуганно озирался. Для него этот мир перестал быть «секретным приключением» и превратился в затянувшийся кошмар, пахнувший вокзальной хлоркой и старым железом.

— Мам, тут холодно, — прошептал он, прижимаясь к моему бедру.

— Потерпи, малыш. Мы почти на месте.

Я судорожно оглядывалась. Каждое лицо в толпе казалось мне лицом оперативника. Каждая черная куртка — формой. Паранойя пульсировала в висках в такт уходящему поезду. Я всё еще видела перед глазами тот черный «Гелендваген» на московском перроне. Егор не из тех, кто бросает след. Если он не перехватил нас в пути, значит, он уже ждет здесь. Или делает ставку на то, что я сама выведу его на цель.

Первым делом я направилась в сторону привокзального

рынка — грязного скопления киосков и лотков. Нам нужно было исчезнуть визуально. Мое кашемировое пальто, хоть и неброское, кричало о своей цене в этой серой массе.

— Дайте вот это, — я ткнула пальцем в безликий пуховик цвета мокрого асфальта и такую же шапку. — И ребенку. Самое обычное.

Продавщица, женщина с лицом, изборожденным морщинами, как старая карта, равнодушно приняла мои деньги. Я переделалась прямо за шторкой киоска, бросив свое дорогое пальто в мусорный бак за углом. Туда же отправились сапоги на изящном каблуке. Вместо них — тяжелые, неуклюжие ботинки на меху.

В зеркале витрины на меня взглянула тень. Серая, невзрачная женщина с испуганными глазами. Варвары Токаревой больше не было. Была Калугина — беженка из собственного благополучия.

Мы сели в старый, дребезжащий автобус, который шел на самую окраину. Новосибирск проплывал за окном грязными сугробами и бесконечными рядами панелек. Город казался мне огромным открытым переломом — везде торчали скелеты кранов, какие-то трубы, афиши, сорванные ветром. Я смотрела на свои руки. Пальцы, привыкшие к нежному шелку и дорогому фарфору, теперь были красными от холода. Пять лет я берегла их как главную ценность Артема, а теперь они стали моим единственным инструментом для выживания.

— Следующая — «Заводская», — прохрипел динамик.

Мы вышли в промзоне. Здесь небо было еще ниже из-за дыма труб. Запах креозота и мазута забивал ноздри. Я сверила с бумажкой, на которой Антонина записала адрес.

Здание клиники Виктора Еремеева не имело ярких вывесок. Темный кирпич, узкие окна, больше похожие на бойницы, и высокий забор с колючей проволокой. На массивной стальной двери — скромная табличка: «Медицинский центр. Вход по пропускам».

Это место не обещало спасения. Оно обещало изоляцию.

Я нажала на кнопку домофона. Сердце колотилось так, что я едва слышала собственный голос.

— Я к Виктору Александровичу. От Антонины.

Замок щелкнул с таким звуком, будто закрылась крышка люка. Мы вошли внутрь. На пороге меня обдало резким запахом антисептика и озона. Этот запах был мне роднее аромата лилий. Я невольно расправила плечи. Здесь была территория медицины. Здесь были мои правила, а не Артема.

Нас провели через длинный, аскетичный коридор. Никаких кожаных диванов и картин. Голые белые стены, яркий люминесцентный свет. Нас ждали в кабинете в самом конце этажа.

Виктор Александрович Еремеев сидел за столом, заваленным снимками МРТ и какими-то графиками. Когда мы вошли, он не поднял головы.

— Антонина сказала, что вы приедете, — голос у него был низкий, лишенный всяких эмоций. Словно он читал протокол вскрытия.

Он наконец посмотрел на меня. Его глаза были цвета холодного свинца. Мужчина лет сорока пяти, с резкими, словно вырубленными из камня чертами лица. Поперек правой кисти, лежавшей на столе, тянулся старый, безобразный шрам. Такой след оставляет либо сорвавшаяся пила, либо очень неудачный разрез.

Виктор окинул меня взглядом — от дешевой шапки до грязных ботинок. В его глазах не было сочувствия. Только холодное, почти безгливое любопытство.

— Значит, вы и есть та самая «беглая королева»? — он усмехнулся, и эта усмешка была острее любого скальпеля. — Токарева. Жена человека, который скупает этот город на завтрак.

— Калугина, — поправила я, усаживая Антона на жесткий стул. — Моя фамилия Калугина.

— Фамилии здесь не имеют значения, — Виктор встал. Он был огромным. В белом халате, застегнутом на все пуговицы, он казался глыбой льда. — Здесь имеют значение только навыки. Тоня говорит, вы были гением в ординатуре. Но я вижу перед собой женщину, которая пять лет выбирала цвет занавесок и полировала ногти.

Я молча достала из рюкзака диплом. Положила его на стол. Красная корочка выглядела в этом кабинете как

неуместный крик.

Виктор даже не прикоснулся к ней.

— Дипломом можно топить печь в этом районе, — отрезал он. — В моем центре лежат те, от кого отказались все светила. Те, чьи лица превратились в месиво после аварий, пожаров или «работы» дилетантов. Мне не нужны теоретики с красными бумажками. Мне нужны рабочие руки.

Он подошел ко мне вплотную. От него пахло крепким табаком и спиртом. Не тем спиртом, что пьют от отчаяния, а тем, которым заливают раны.

— Руки покажи, — приказал он.

Я вытянула ладони. Он взял их в свои — огромные, мозолистые, горячие. Он перевернул их, осматривая подушечки пальцев, суставы. Это был не осмотр мужчины. Это была дефектовка инструмента.

— Кожа слишком нежная, — прокомментировал он, сжимая мои пальцы чуть сильнее. — Но суставы подвижные. Трemor есть?

— Нет, — я твердо смотрела ему в глаза. — Я не пила, не принимала препараты. Я просто... не практиковала.

— «Не практиковала», — передразнил он. — Знаете, что происходит со сталью, которую не используют? Она ржавеет. Вы заржавели, Калугина.

Он отпустил мои руки и отошел к окну, за которым началась ранняя северная метель.

— Мой центр — это не благотворительный фонд для жен олигархов. Артем Токарев объявил награду за информацию о вас. Его люди уже кружат по городу. Если я вас оставлю, я подставляю под удар свою клинику. Свою работу. Своих пациентов.

— Я буду работать за десятерых, — я сделала шаг вперед. — Мне не нужны деньги. Мне нужно убежище для сына и возможность... вспомнить, кто я такая.

Виктор обернулся. В его взгляде промелькнула тень чего-то, что я не смогла расшифровать.

— Убежище? Здесь? Вы понимаете, что за этими стенами нет жизни? Вы не сможете выйти в магазин. Вы не сможете позвонить маме. Вы станете призраком.

— Я уже призрак, — ответила я. — Мой муж уже похоронил меня в своих справках.

Виктор долго молчал, барабанил пальцами по подоконнику. Антон заерзал на стуле, и Виктор перевел взгляд на него. Ребенок замер, замороженный тяжелым взглядом хирурга.

— Хорошо, — наконец произнес Виктор. — Я дам вам шанс. Но не врачом. У меня нет лишних ставок для тех, кто пять лет не держал в руках ничего тяжелее бокала шампанского.

Он подошел к шкафу, достал из него серый, застиранный халат и бросил его мне.

— Вы начнете с санитарки. Будете мыть операционные после смен. Чистить автоклавы. Выносить утки. Кормить тех, у кого нет рук, чтобы держать ложку.

Я замерла, сжимая в руках грубую ткань. Санитарка. С моим дипломом, с моими амбициями... Это было унижение. Настоящее, концентрированное.

Виктор усмехнулся, заметив мою паузу.

— Что, «королева» не привыкла к запаху гноя? Если за месяц не сорвешься, если твои руки не откажут от хлорки и если ты не приползешь ко мне умолять о пощаде — тогда я посмотрю твои документы. А пока...

Он подошел к столу и нажал на кнопку селектора.

— Антонина, зайди. Забери новую... помощницу. Покажи ей жилой блок в подвале и выдай инвентарь.

В кабинет вошла Тоня. Она выглядела старше, на её лице прибавилось морщин, но глаза сияли той же живой искрой. Она посмотрела на меня, на серый халат в моих руках и едва заметно кивнула.

— И запомните, Калугина, — голос Виктора догнал меня уже в дверях. — Одно правило. Здесь только один бог. И это не ваш муж. Если я увижу, что вы создаете проблемы — вы окажетесь за забором в ту же секунду. Без денег. Без диплома. И без моей защиты. Вы меня поняли?

— Поняла, — я не обернулась.

Мы вышли в коридор. Тоня вела нас вниз, по узкой лестнице в подвальное помещение.

— Не злись на него, Варя, — тихо сказала она. — Виктор не сволочь, он просто... выгорел дотла. Он не верит людям. Он верит только в удачные исходы операций.

— Я не злюсь, Тонь, — я прижала Антона к себе. — Он прав. Я заржавела. Но я собираюсь очистить эту ржавчину. Чего бы мне это ни стоило.

Жилой блок оказался крохотной комнатой с двумя узкими кроватями, шкафом и столом. На окне — решетка. Но для меня это место сейчас было роскошнее любого люкса в Дубае. Здесь Артем не мог меня видеть. Здесь не было камер в датчиках пожарной сигнализации.

Тоня поставила на стол ведро с тряпками и бутылку едкого моющего средства.

— Твоя смена начинается через два часа. После плановых операций. Операционная номер три. Там сегодня было три пересадки кожи. Работы много.

Она обняла меня, быстро, крепко, и вышла.

Я осталась одна в этой серой комнате. Мои руки дрожали, когда я надевала санитарский халат. Он был велик мне в плечах, ткань кололась. Я посмотрела в маленькое зеркало над раковиной.

Из него смотрела женщина, которая потеряла всё. Дом,

имя, статус, красоту. Но когда я опустила взгляд на свои ладони, я увидела то, что Артем никогда не смог бы у меня отнять.

Силу.

Я взяла ведро и набрала в него воды. Холодная струя ударила по пластику, разбрызгивая капли. Я опустила руки в ледяную воду.

— Ну что, Артем, — прошептала я, глядя на свое искаженное отражение в воде. — Ты думал, что я сгнию в нищете? Ты думал, что я приползу обратно?

Я сжала тряпку так, что побелели костяшки.

— Я начинаю с самого дна. Но я научусь дышать под водой. И когда я выплыву, у меня будет не только имя. У меня будет право судить тебя.

Варвара Токарева умерла в купе поезда. Санитарка Калугина вышла на свою первую смену. Операция по возвращению к жизни началась. Без наркоза. И я собиралась вычистить эту жизнь так же тщательно, как собиралась вычистить операционную номер три.

Глава 12

Будильник на старом кнопочном телефоне Стаса сработал в пять тридцать утра. Звук был дребезжащим, настойчивым, вырывающим из тяжелого, как наркоз, сна. Я вскинулась на узкой кушетке, на мгновение дезориентированная темнотой подвального помещения. Где я? Где шелковые простыни, где запах свежего эспresso и шум сосен за окном нашего особняка?

Вместо сосен — глухой гул вентиляции. Вместо шелка — жесткое казенное одеяло, пахнущее пылью и надеждой.

Антон засопел во сне, поворачиваясь на бок. Я замерла, боясь его разбудить. В этой крохотной комнате, выделенной нам Виктором, каждый мой шорох казался грохотом обвала. Я посмотрела на свои руки. Пальцы, которые еще неделю назад ласкали изумруды, теперь были красными, кожа на суставах потрескалась и саднила. Хлорка и дешевое мыло сделали то, что не удалось Артему — они стерли с меня лоск «хозяйки жизни».

Я подстригла ногти под корень еще вчера вечером. Больше никакого «френча». Только чистые, короткие пластины, готовые к работе. Это было моим личным посвящением в новую реальность.

Я натянула серый хлопковый халат. Ткань была грубой, застиранной до состояния марли, и великовата мне в плечах,

но в этом была своя прелесть. Этот халат был моей маскировкой. Моим доспехом.

В операционном блоке №2 пахло кровью, йодом и вчерашним поражением. Смена закончилась час назад, хирурги разошлись, оставив после себя поле боя. Я вошла внутрь, толкнув плечом тяжелую герметичную дверь.

Здесь не было места для брезгливости. На кафельном полу — бурые пятна подсохшей сукровицы. В лотках — использованные марлевые салфетки, похожие на скомканные красные цветы. Глядя на это, я чувствовала не тошноту, а странный, профессиональный азарт. Мой мозг автоматически фиксировал детали: судя по количеству тампонов, была массивная кровопотеря. Судя по расположению зажимов — работали на лицевой артерии.

Я встала на колени, окуная тяжелую тряпку в ведро с ледяной водой.

«Раз-два, раз-два», — я методично оттирала кровь с плитки.

Вчера я выбирала оттенок помады под цвет платья от Valentino. Сегодня я отмываю чужую боль в сток. Это было падение, от которого у любого другого захватило бы дух, но я чувствовала странное облегчение. Каждый раз, когда я с силой проводила тряпкой по полу, мне казалось, что я стираю само существование Артема в своей жизни. Грязь снаружи помогала вычистить грязь изнутри.

Закончив с полом, я принялась за автоклавы. Металл об-

жигал холодом. Я чистила их до тех пор, пока в отражении не увидела свое лицо — бледное, с темными кругами под глазами, но с губами, сжатыми в тонкую, решительную линию.

Около десяти утра я закончила уборку в коридоре операционного блока. В одной из палат за стеклом началась плановая операция. Я замерла, спрятавшись в тени массивного шкафа с расходниками.

Работал не Виктор. Это был высокий, сухопарый хирург, чьих движений не хватало уверенности. Я видела его руки через смотровое окно. Он колебался перед каждым разрезом. Мой внутренний голос, спавший пять лет, вдруг закричал: «Не так! Угол наклона иглы должен быть острее! Ты сейчас зацепишь нерв!».

Я подалась вперед, почти прижавшись лбом к холодному стеклу. Мои пальцы непроизвольно дернулись, повторяя правильные движения. Я видела мониторы, видела показатели давления. Пациент на столе был для меня не человеком, а сложной, захватывающей головоломкой, которую я знала, как решить.

Пять лет брака с Артемом превратили меня в куклу, но они не смогли убить хирурга. Мой интеллект не заржавел, он просто находился в глубокой заморозке, и сейчас лед начал трескаться.

— Эй, поломойка! Чего уставилась? Иди, вон в третьей палате утки не вынесены!

Грубый окрик заставил меня вздрогнуть. В коридоре сто-

или двое молодых ординаторов — розовощекие парни, от которых пахло дорогим одеколоном и самоуверенностью. Один из них, с фамилией «Кузнецов» на бейдже, смотрел на меня с нескрываемым презрением.

— Вы слышали? Или у вас уши тоже в хлорке? — он шагнул ко мне, намеренно задевая плечом.

Я не удержалась на ногах. Стопка чистых полотенец, которую я несла, разлетелась по полу. Белая ткань мгновенно впитала серую пыль коридора.

— Извините... — выдавила я, опускаясь на колени, чтобы собрать белье.

— «Извините», — передразнил Кузнецов, оборачиваясь к приятелю. — Набрали по объявлению из деревень, они даже швабру держать не умеют. Слышь, красавица, ты бы глазами поменьше вращала, когда серьезные люди работают. Иди, делом займись.

Он специально наступил на край одного из полотенец, оставляя на нем грязный след от ботинка.

Я молчала. Я видела их холеные лица и понимала: пять лет назад я была выше их по статусу, знаниям и таланту. А сейчас я — пустое место. Тень. Санитарка Калугина.

В конце коридора появился Виктор. Его халат был растегнут, он шел быстро, на ходу просматривая какие-то документы. Ординаторы мгновенно вытянулись в струнку, их наглость испарилась, сменившись подобострастием.

— Виктор Александрович, мы как раз обсуждали...

Еремеев даже не замедлил шаг. Его взгляд на мгновение скользнул по мне — я всё еще сидела на корточках, собирая полотенца. Он посмотрел на меня так, как смотрят на сломанный стул или трещину в штукатурке. Никакого узнавания. Никакого сочувствия. Просто констатация факта: здесь находится лишний предмет, мешающий движению.

Он прошел мимо, обдав меня запахом спирта и холода.

Внутренне я сжалась. Артем бил меня словами, лишал денег и свободы, но он хотя бы признавал мое существование как своей собственности. Виктор же просто стирал меня из реальности. Для него я была биологическим мусором, который зачем-то забрел в его храм медицины.

В обед я заперлась в каптерке. Здесь пахло старой резиной и хозяйственным мылом. Я села на перевернутый ящик, закрыла лицо руками и... засмеялась.

Это был тихий, судорожный смех, переходящий в икоту. Пять дней назад я пила шампанское в особняке за триста миллионов. Сегодня я радуюсь, что у меня есть пять минут, чтобы просто посидеть, не сжимая швабру.

«Ты никуда не уйдешь, Варя», — звенел в ушах голос Артема.

— Я ушла, Артем, — прошептала я в темноту каптерки. — Я ушла так далеко, что ты даже в самом страшном сне не найдешь меня здесь, среди уток и грязных полотенец.

Я вытерла глаза краем халата. Жалость к себе была непоз-

волительной роскошью. У меня был Антон. И у меня был месяц, чтобы доказать этому ледяному богу Еремееву, что я — не просто «поломойка».

Конец смены ознаменовался сортировкой мусора в блоке утилизации. Это была самая грязная работа. Нужно было разделять пластик, стекло и биологические отходы перед тем, как отправить их в автоклав.

В большом контейнере для бумаг я увидела ярко-синюю папку. На ней размашистым почерком было написано: «Отказ. Безднадежно. В утиль».

Профессиональное любопытство, которое всегда было моей сильной и слабой стороной, заставило меня открыть её. Внутри лежала история болезни молодого парня, восемнадцати лет. Спортсмен. Тяжелая травма ноги, осложненная стремительно развивающимся некрозом.

Я достала рентгеновский снимок и поднесла его к лампе под потолком.

Сначала я увидела то же самое, что и врачи клиники: обширное поражение мягких тканей, признаки остеомиелита. Всё указывало на неизбежную ампутацию выше колена. Парень — инвалид в восемнадцать лет.

Но что-то заставило меня присмотреться. Я подошла ближе к свету, шурясь от ярких лучей.

— Нет... — выдохнула я. — Это не остеомиелит.

На самом краю снимка, за густой тенью бедренной кости, виднелось едва заметное сужение просвета артерии. Кро-

шечная, почти невидимая петля. Это была редчайшая патология — сдавление сосуда аномальным мышечным тяжем. Ишемия давала симптомы некроза, имитируя инфекцию. Если убрать этот тяж — кровоток восстановится, и ногу можно спасти.

Врачи Еремеева пропустили это. Они смотрели на очевидное, не заглядывая за «кулисы» снимка. Они собирались отрезать здоровую по сути ногу только потому, что поленились провести ангиографию под другим углом.

Папка была подписана: «Лечащий врач — Кузнецов С.В.». Тот самый розовощекий ординатор, который утром топтал мои полотенца.

Я сжала снимок в руках. Пальцы мелко дрожали.

Если я сейчас выброшу это в шредер, я останусь в безопасности. Я останусь серой мышкой, санитаркой Калугиной, которую никто не ищет. Если я заговорю — я нарушу первый и главный приказ Виктора: «Не лезть не в свое дело». Он вышвырнет меня на улицу, к Егору и Артему.

Я посмотрела на снимок. Перед глазами стояло лицо этого мальчишки-спортсмена, чье фото было приколото к истории болезни. В его глазах был такой ужас, который я видела каждое утро в зеркале.

Я не могла промолчать. Это было против моей природы. Против того «красного диплома», который сейчас лежал в моем рюкзаке в подвале.

Я спрятала снимок под халат. Сердце колотилось в горле.

Я знала: завтра утром этого парня повезут в операционную №3. На ампутацию. И у меня было всего несколько часов, чтобы решить, готова ли я рискнуть своей свободой ради чужой ноги.

Варвара Токарева, возможно, промолчала бы. Но доктор Калугина уже начала готовить свой первый план вмешательства. Операция начиналась прямо сейчас. В моей голове. И на этот раз ставкой была не только карьера, но и жизнь.

Глава 13

Ночь в клинике имела вкус холодного металла и пережаренного кофе. В три часа утра люминесцентные лампы в коридорах гудели на одной низкой, раздражающей ноте, от которой зубы начинали ныть, а мысли — путаться. Я методично водила шваброй по линолеуму приемного покоя, в сотый раз пересчитывая квадраты плитки. Это было моим спасением. Монотонный труд — лучший анальгетик для воспаленной памяти.

Снимок, который я выудила из мусорного бака вчера вечером, жег мне бедро через карман серого халата. Я спрятала его в файл, а файл — под свой матрас в подвале, но сейчас, в тишине ночной смены, он словно просвечивал сквозь ткань. Пациент в палате 402. Мальчишка, у которого завтра Кузнецов должен был отнять ногу. Я видела на снимке ту самую петлю сосуда, ту едва заметную тень, которая превращала «безнадежный некроз» в «излечимую ишемию».

Мой диплом в рюкзаке под кроватью молча кричал. Но я была санитаркой Калугиной. Женщиной-невидимкой. Существом, которое должно вытирать грязь и молчать, если хочет, чтобы его сын завтра проснулся в безопасности.

Антонина дремала на посту, уронив голову на скрещенные руки. Перед ней стояла недопитая кружка чая, покрытая белесой пленкой. Я старалась обходить ее стол бесшумно.

но, когда тишину снаружи взорвал визг тормозов. Такой звук издают только машины, летящие на запредельной скорости и тормозящие «в пол» за метр до препятствия.

Я замерла, сжимая черенок швабры. Секунда, две — и в стеклянные двери приемного начали бить. Не стучать, а именно выламывать, сопровождая это истошным, звериным криком.

— Врача! Помогите! Она не дышит!

Тоня вскинулась, опрокинув кружку. Темная жидкость потекла по журналам, но ей было не до этого. Она бросилась к дверям, я — следом, инстинктивно, забыв, что мне положено стоять в углу.

В холл ввалились двое парней в дорогах, но перепачканных кровью куртках. На руках они несли девушку. На ней было эффектное шелковое платье, которое сейчас выглядело как жалкая тряпка. Но страшнее всего было лицо.

Вернее, то, что от него осталось.

Глаза превратились в узкие щели среди раздувшейся, багрово-синюшной кожи. Губы вывернуты наружу, словно их накачали раскаленным железом. Девушка издавала страшный, булькающий звук, ловя ртом воздух, которого не было.

— Аллергия? — выкрикнула Тоня, хватая каталку. — Что кололи?

— Не знаем... — заикаясь, выдал один из парней. — Мы на вечеринке были, там косметолог... на дом приехала... губы подколоть, скулы... Сказала, новый препарат, французский...

Пять минут прошло, и она начала...

— Анафилаксия. Отек Квинке, — мой голос прозвучал тихим эхом, но парни его не слышали.

Я видела это мгновенно. Молниеносная форма. Лицо пациентки раздувалось прямо на глазах, превращаясь в бесформенную маску. Асфиксия нарастала. Она синела — тот самый страшный оттенок цианоза, который означает, что мозг уже начинает умирать.

— Кузнецова! Быстро! Дежурного хирурга! — крикнула Тоня, вкатывая каталку в смотровую.

Я бросила швабру. Грохот алюминиевого черенка о кафель прозвучал как гонг. Я влетела в смотровую следом за ними, автоматически хватая пачку стерильных салфеток.

Появился Кузнецов. Тот самый ординатор, который вчера топтал мои полотенца. Он вбежал в смотровую, на ходу натягивая халат. Его лицо было помятым, а взгляд — мутным. Когда он увидел девушку на столе, он не просто затормозил. Он замер.

От него веяло спиртным. Не запредельно, но достаточно, чтобы реакция замедлилась на те критические доли секунды, которых у пациентки не было.

— Что тут... господи... — он замялся, глядя на мониторы. — Давление падает. Пульс — нитевидный.

— Стероиды? Адреналин? — Тоня уже держала наготове шприцы. — Сергей Владимирович, приказ!

Кузнецов дрожащими руками взял фонендоскоп. Он пы-

тался прослушать дыхание, но в горле девушки только клокотало. Она начала выгибаться дугой.

— Надо интубировать... — пробормотал он. — Ларингоскоп! Клинь!

Он схватил инструмент, попытался разжать челюсти девушки, но отек был таким сильным, что он просто не видел связок. Он тыкал трубкой наугад, обдирая слизистую. Пошла кровь.

— Я не вижу... я не могу пройти! — в его голосе зазвучала паника. — Вызывайте Еремеева! Срочно!

— Еремеев на сложной операции в первом блоке, там кровотечение! — крикнул интерн, вбежавший в палату. — Сергей Владимирович, она сейчас уйдет!

Кузнецов стоял над ней, и в его глазах я видела только одно: страх перед ответственностью. Он не спасал ее. Он боялся, что она умрет под его руками, и это разрушит его карьеру. Он снова попытался вставить трубку, и я услышала хруст. Он повредил ей зубы.

— Назад, — сказала я.

Мой голос не был голосом санитарки. Это был голос из операционной пять лет назад. Стальной. Ровный. Не терпящий возражений.

Кузнецов даже не понял, кто это сказал. Он просто дернулся, когда я оттолкнула его плечом. Я не брала скальпель. Я не имела права. Но я встала в изголовье.

— Тоня, адреналин — ноль-пять подкожно, сейчас! Пред-

низолон — девяносто внутривенно, струйно! — я говорила быстро, чеканя каждое слово. — Интерн, держи голову. Не так, за челюсть бери!

— Ты что творишь, поломойка?! — Кузнецов наконец пришел в себя. Он попытался схватить меня за руку. — Пошла вон отсюда! Ты ее убьешь!

Я обернулась и посмотрела ему прямо в глаза. На мгновение он захлебнулся собственным криком. Он увидел в моих глазах не уборщицу. Он увидел там силу, которая была ему недоступна.

— Она умрет через сорок секунд, если ты не сделаешь коникотомию, — сказала я, и каждое слово было как удар молотка по гвоздю. — Трубка не пройдет, там тотальный отек гортани. Ты только что разорвал ей корень языка.

— Я... я не... — он посмотрел на скальпель, лежащий на лотке. Его руки ходили ходуном.

— Инструмент, — скомандовала я интерну, который смотрел на меня с открытым ртом. — Коникотомический набор. Быстро!

Персонал клиники — люди, привыкшие к дисциплине — сработали на автомате. Голос власти заставил их подчиниться. Тоня уже вкалывала препараты. Интерн подал набор.

— Делай разрез, — я смотрела на Кузнецова. — Прямо здесь. Межщитовидная связка. Пальпируй! Да не трясись ты, debil, она уже не дышит!

Кузнецов, как зомби, приставил лезвие к шее девушки.

Он не мог найти точку. Я своей рукой, через ткань халата, надавила на его кисть, направляя лезвие.

— Режь.

Хруст хряща. Свистящий, хриплый всос воздуха. Девушка дернулась, ее грудная клетка расширилась в судорожном вдохе.

— Расширитель! Трубку! — я продолжала диктовать.

Через десять секунд монитор, который до этого выдавал предсмертную аритмию, запищал ровнее. Пятьдесят восемь. Шестьдесят два. Шестьдесят пять. Насыщение кислородом поползло вверх.

— Санация трахеи, — выдохнула я, отступая на шаг. — Следите за давлением. Она начнет выходить из шока, может быть отек легких. Фуросемид наготове.

В смотровой воцарилась тишина. Только писк мониторов и тяжелое дыхание Кузнецова, который стоял, опустив окровавленные руки. Он смотрел на меня так, будто я только что на его глазах превратилась в инопланетянина.

Я медленно подошла к углу, где стояло мое ведро. Подняла швабру. Мои плечи снова опустились, лицо стало привычно блеклым и покорным. Руки в карманах халата кололо крупной дрожью, но внешне я была спокойна.

— Что это было? — прошептал интерн, вытирая пот со лба. — Калугина, ты... ты откуда это знаешь?

Я не успела ответить.

Дверь смотровой плавно отъехала в сторону. В проеме

стоял Виктор Еремеев. Его халат был запятнан свежей кровью — видимо, он только что закончил свою операцию. Он стоял неподвижно, сложив руки на груди. Его лицо было непроницаемым, как скала, но глаза... эти свинцовые глаза горели холодным пламенем.

Он видел всё. Я кожей почувствовала момент, когда он вошел — еще когда я направляла руку Кузнецова.

— Сергей Владимирович, — голос Виктора был тихим, и от этой тишины Кузнецов вжал голову в плечи. — Зайдите ко мне в кабинет. После того как оформите пациентку в реанимацию. И напишите заявление об уходе. По собственному. Или я уволю вас по статье за невыход на смену в состоянии опьянения.

— Виктор Александрович, я... — начал было Кузнецов.

— Вон, — отрезал Еремеев.

Затем он перевел взгляд на меня. Я стояла, сжимая швабру, и чувствовала себя так, будто стою перед судом инквизиции.

— Калугина, — произнес он. — Ведро оставь здесь. Иди за мной.

Мы шли по безмолвным коридорам. Мои ботинки шлепали по линолеуму, создавая жалкий контраст с его уверенным шагом. Внутри меня всё кричало: «Беги! Забирай Антона и беги! Он понял!». Но бежать было некуда. За стенами клиники был Артем со своими цепными псами, а здесь был только этот холодный человек с изуродованной кистью.

Он зашел в кабинет, сел за стол и не предложил мне сесть. Лампа на столе отбрасывала резкие тени на его лицо.

— Красиво, — сказал он, глядя куда-то мимо меня. — Четко. Гемодинамика, протоколы, знание анатомии связок... Знаешь, что меня смутило больше всего, Варя?

Он впервые назвал меня по имени. Без фамилии. Без отчества.

— Не то, что санитарка спасла пациента, которого убивал хирург. Меня смутило то, что ты даже не прикоснулась к ней. Ты диктовала. Как человек, который привык управлять операционной бригадой. Как человек, который знает, что его голос — закон.

Он достал из стола папку. Ту самую, с моими поддельными документами. Медленно, с наслаждением, он швырнул их на середину стола. Бумаги разлетелись.

— Варвара Калугина. Уроженка села Петровское. Окончила курсы младшего медперсонала в Барнауле. Три года работала в сельской амбулатории, — Виктор усмехнулся, и шрам на его руке побелел. — Это всё — дерьмо. В Петровском не учат технике коникотомии при анафилактическом шоке. Там даже слов таких не знают.

Он подался вперед, входя в круг света от лампы.

— У тебя руки хирурга. У тебя мозги хирурга. И у тебя проблемы, которые заставили тебя залезть в эту серую шкуру и мыть полы за копейки. Антонина за тебя просила, но она не сказала главного.

Он сделал паузу, и я почувствовала, как петля затягивается на моей шее.

— Тебя ищет служба безопасности Артема Токарева. По всем каналам прошла ориентировка. Психически больная женщина, похитившая ребенка и крупную сумму денег. Фотография там... не очень похожа на тебя нынешнюю, но если присмотреться...

Я почувствовала, как ноги становятся ватными.

— Я не больна, — прошептала я. — И я не воровала ребенка. Он мой сын.

— Мне плевать, больна ты или нет, — отрезал Виктор. — И на ваши семейные разборки с олигархом мне тоже плевать. В моей клинике не живут призраки. Здесь работают люди с именами.

Он резко встал, подошел ко мне и схватил за подбородок, заставляя поднять голову. Его пальцы были жесткими, как медицинские зажимы.

— Говори правду. Кто ты? Почему ты в бегах? И почему я не должен сейчас нажать на кнопку и вызвать Егора, который, я уверен, уже кружит вокруг этого района?

Я смотрела в его глаза — холодные, выжженные какой-то старой болью. В них не было сочувствия, но в них была честность. Он не хотел меня выдать. Он хотел знать, стоит ли игра свеч.

— Меня зовут Варвара Токарева, — сказала я, и мой го-

лос больше не дрожал. — Пять лет назад я была лучшим интерном в Екатеринбурге.. Пять лет назад я вышла замуж за человека, который решил, что мой диплом — это мусор, а я — его собственность. Он изменил мне. Он завел вторую семью. А когда я узнала, он пригрозил отобрать у меня сына и упрятать в психушку. У него есть справки, Виктор Александрович. Он их купил. Как купил и всё остальное в моей жизни.

Я выдохнула, чувствуя, как слезы обжигают глаза, но не позволяя им упасть.

— Я сбежала, чтобы спасти сына. Чтобы он не стал таким, как его отец. И чтобы снова стать врачом. Даже если для этого мне придется мыть ваши полы до конца жизни.

Виктор медленно отпустил мой подбородок. Он долго смотрел на меня, словно взвешивая каждое слово на невидимых аптекарских весах.

— Значит, «беглая королева» решила вернуть себе корону? — он снова сел за стол. — Токарев опасен. Он не просто строитель. Он связан с людьми, которые не знают слова «закон». Если я оставлю тебя здесь, я рискую своей клиникой. Своими пациентами.

— Я уйду, — я развернулась к двери. — Прямо сейчас. Заберу Антона и исчезну. Спасибо, что не выдали сразу.

— Сядь, — приказал он.

Я замерла.

— Сядь, Калугина. Или как тебя там... Варвара.

Я опустила на край жесткого стула.

Виктор открыл другой ящик стола. Достал оттуда снимок. Тот самый, который я спрятала под матрас. Мое сердце пропустило удар. Он нашел его.

— Ты лазила в моем мусоре, — констатировал он. — И нашла ошибку Кузнецова. Пациент в 402-й. Ты поняла, что это не остеомиелит. Ты увидела ишемическую петлю.

— Да, — ответила я. — Если вы завтра ампутируете ему ногу, вы совершите убийство. Ему восемнадцать лет, Виктор Александрович.

— Я знаю, — он откинулся на спинку кресла. — Я заметил это еще до того, как ты нашла этот снимок. Я просто ждал, хватит ли у дежурного хирурга мозгов признать ошибку. У Кузнецова не хватило. А у тебя хватило смелости полезть в утиль.

Он замолчал, рассматривая шрам на своей руке.

— Слушай меня, Варвара. Я не выдам тебя Токареву. Не потому, что я добрый самаритянин. А потому, что мне в операционной нужны люди, которые видят то, что не видят другие. Но под твоим лицом тебя найдут через неделю. Твой муж уже купил половину полиции города.

Он подался вперед, и его взгляд стал пугающе пристальным.

— Ты сказала, что готова на всё. Даже мыть полы. А готова ли ты... перестать существовать? Совсем. Потерять это лицо, этот голос, эту память.

Я не сразу поняла, о чем он говорит.

— Я — пластический хирург, Варя. Лучший в этом деле. Я могу сделать так, что твоя родная мать не узнает тебя в зеркале. Я могу дать тебе новую личность, которую не пробыет ни одна база данных. Но это будет больно. Это будет долго. И ты никогда не сможешь вернуть себе прежнюю Варвару Токареву.

Он бросил на стол скальпель. Тот блеснул холодным, хищным светом.

— Выбирай. Либо ты уходишь сейчас — и через два дня Егор находит тебя на вокзале. Либо ты ложишься под мой нож. И тогда... тогда ты станешь моим лучшим кейсом. Моим партнером. И моей тайной.

Я смотрела на скальпель. В голове мелькали кадры: Артем, целующий Веру. Антон, плачущий в багажнике. Справки из психушки. Пять лет унижения.

Я медленно протянула руку и коснулась холодной стали скальпеля.

— Делайте, — сказала я. — Сотрите меня. Оставьте только руки. Они мне еще понадобятся, чтобы вернуть себе всё, что он у меня отнял.

Виктор Еремеев впервые за всё время улыбнулся. Это была страшная улыбка человека, который нашел себе достойного противника. Или достойную союзницу.

— Добро пожаловать в ад, доктор Калугина, — произнес он. — Операция назначена на завтра. С сегодняшней ночи

ты официально перестаешь существовать. И помни: теперь твоя жизнь принадлежит мне. Пока я не решу иначе.

Я кивнула. Маски были сброшены. Впереди была темнота, наркоз и рождение новой меня. Без лица. Без прошлого. Но с абсолютным правом на месть.

Глава 14

Скальпель на столе Виктора тускло блестел под лампой, отражая мои дрожащие пальцы. Я смотрела на него так, словно это был не медицинский инструмент, а единственный ключ от двери, за которой больше не существовало Варвары Токаревой. В кабинете пахло озоном и старой кожей, а тишина была такой плотной, что казалось, её можно резать по кусочкам.

— Значит, «синяя папка», — повторил Виктор, медленно откидываясь на спинку кресла. Его лицо оставалось непроницаемым, но шрам на руке едва заметно пульсировал. — Твой муж не просто делец, Варя. Он системщик. Он не оставляет за собой выжженную землю, он переписывает историю так, чтобы на месте пожара стоял его памятник.

Я сглотнула, чувствуя, как в горле застрял сухой ком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.